

Алина Лис

Школа гейш

Фэнтези • Любовный роман • Юмор

Annotation

В жизнь лучшей воспитанницы школы гейш ворвались двое мужчин. Один из них – жестокий и безжалостный. Другой – таинственный и опасный. И оба жаждут овладеть маленькой горячкой. Ревность других воспитанниц, угрозы директора, дружба с оборотнем, которую приходится скрывать. А еще нужно учиться, чтобы стать лучшей среди лучших.

Как быть? Согласиться, что женщина – покорная вещь в руках мужчины, или попытаться все же пойти своим путем?

Алина Лис

Школа гейш

Это фэнтези. Мир и его реалии в данном произведении выдуманы и не имеют никакого отношения к реально существующим странам. Взяты только имена, некоторые понятия и названия.

Часть первая
Между беркутом и тигром

Глава 1

Лучшая ученица

Их подняли в шесть утра, вывели на улицу в одних коротеньких рубашках из тонкого полотна и велели построиться.

Мия переминалась с ноги на ногу в первом ряду вместе с другими выпускницами-майко, судьба которых окончить в этом году школу «Медовый лотос» и впервые в жизни познать мужчину. Она зябко поводила плечами, вслушиваясь в восторженный шепоток подруг. Всем хотелось посмотреть на нового директора, ради которого их выгнали, запретив даже одеться. Стоять на по-утреннему прохладном воздухе в рубашке, едва прикрывавшей ягодицы, было стыдно. От холода соски затвердели и чуть терлись о грубоватую ткань.

Тревожно стукнуло сердце. Сегодня случится что-то. Что-то, что изменит ее жизнь.

– Говорят, он настоящий красавчик. – Ичиги захихикала.

Все воспитанницы были взбудоражены до предела. Шептались, улыбались. Атмосфера возбуждения витала во дворе.

Нет, в «Медовом лотосе» были, конечно, мужчины. Старик Ихурэ, обучавший воспитанниц искусству массажа и разминавший натруженные после многочасовых занятий танцами мышцы. Или Нику – сын поварихи.

Но это были совсем другие мужчины. Знакомые. Привычные. Неинтересные. Не такие, как господин Акио Такухати – молодой мужчина, воин и маг из знатного рода.

– Летит! – пронеслось над головами.

Госпожа Оикава грозно сверкнула глазами на воспитанниц и ударила молоточком по гонгу, призывая к тишине. Густой медный звук поплыл по двору.

А потом тень заслонила солнце. Крылья забили по воздуху, от поднятого ими ветра волосы Мии взлетели вверх черным полотном.

И во двор опустилась гигантская птица фэнхун. По ярко-алому оперению пробегали волны, оранжевые и красные, как языки огня. В груди летуна за тонкой пленкой лишенной перьев полупрозрачной кожи бушевало пламя. Птица опустила крылья и устало закрыла глаза. Пламя чуть угасло и теперь пульсировало в ритме ударов сердца.

Будущие гейши выдохнули хором, а со спины птицы спрыгнул мужчина в дорогом шелковом кимоно и брюках-хакама.

На этот раз в слитном вздохе воспитанниц без труда можно было уловить восторг.

Новый директор был и вправду хорош собой: высокий, широкоплечий, подтянутый; длинные иссиня-черные волосы зачесаны в высокий хвост. Тонкие и немного порочные черты лица портила надменная складка у края губ. Ярко-синие глаза чуть светились, выдавая в мужчине мага. Он спрыгнул со спины гигантской птицы, с хищной грацией прошел по двору к выстроившимся девочкам.

Красивый...

Сердце Мии забилось чуть быстрее. Не от близости мужчины – от тревоги.

Слишком жадным и высокомерным был взгляд нового директора.

Она почувствовала себя слабой продрогшей добычей рядом с сильным и опасным хищником. Хотелось потянуть подол коротенькой рубашки ниже, скрыть себя, спрятать от этого изучающего взгляда.

Госпожа Оикава склонилась в традиционном приветствии. Она говорила и говорила – о

школе, о том, как они все рады видеть нового директора. Он слушал, вглядываясь в лица выпускниц, пока не вернулся снова взглядом к Мие.

– Выйди, – приказал господин Такухати.

Кровь бросилась Мие в лицо. Одно дело стоять вот так, среди других воспитанниц. И совсем другое, когда тебя выталкивают вперед из строя.

Стыдно.

Она шагнула, ощущая на себе презрительный хозяйский взгляд. Наступила босой пяткой на камушек и ойкнула, поджав крохотные пальчики.

Мужчина оглядывал Мию изучающе, как товар на рынке. Мерил взглядом снизу вверх, от изящных ступней и стройных длинных ног перешел к бедрам. Их округлая женственность угадывалась даже под мешковатой рубашкой. Тонкая ткань натягивалась на вдохе, обрисовывая контур девичьей груди красивой формы и съезжившиеся от холода соски.

Мия вспыхнула и скрестила руки, пытаясь закрыться. Ей всегда казалось, что выражение «лапать взглядом» – просто поэтическое преувеличение. Но сейчас новый директор именно что лапал ее без единого прикосновения, только взглядом.

– Мия Сайто – наша лучшая ученица, – представила ее госпожа Оикава.

– Лучшая, – господин Такухати скептически приподнял бровь, – надо проверить.

Он еще раз взглянул на Мию, задержав взгляд на двух одинаковых браслетах на запястьях – широких бронзовых полосах с клеймом школы, и велел:

– Чуть позже, в моем кабинете.

В одежде Мия почувствовала себя увереннее. Она выбрала самое простое кимоно из темно-синего шелка, без вышивки. Убрала волосы в намеренно скромную прическу сакко – тугой узел на затылке, как носят замужние дамы, и даже не стала украшать волосы цветами.

Но на душе все равно было беспокойно. Мия вспоминала высокомерный и жадный взгляд нового директора и боялась, что все ухищрения окажутся напрасны.

Она опустила на колени у тонкой перегородки, затянутой расписной рисовой бумагой, звякнула в маленький колокольчик, дождалась отрывистого «входи» и отодвинула дверь.

Комната, которую Акио Такухати назвал своим кабинетом, еще недавно принадлежала госпоже Итико. Мия бывала здесь, как и все ученицы школы, – получая советы и наставления в искусстве доставлять наслаждение мужчине.

Школами гейш исконно заведуют женщины. Опытные гейши, сами в свое время прошедшие этот путь от неумелой девочки, купленной за копейки у родителей, до распустившегося чудного цветка, услаждающего своим видом и ароматом мужские вечера.

Но на прошлой неделе «Медовый лотос» постигли сразу две утраты. Погиб маг, создававший обучающие иллюзии, а его супруга – госпожа Итико серьезно заболела и слегла. И никто не объяснил ученицам, почему новым директором прислали господина Такухати.

– Закрой дверь.

Акио Такухати успел снять верхнее кимоно и сейчас сидел в одних хакама и тонкой полотняной рубашке, даже не завязанной. Против воли Мия уставилась на его обнаженную грудь. Четко прорисованные мышцы притягивали взгляд, как и мощные, покрытые короткими черными волосами руки с широкими запястьями.

В этой комнате еще ощущался дух прежней хозяйки – еле заметный аромат лаванды от вышитых подушечек, статуя кошки с поднятой лапкой в углу, изящная чернильница на низеньком столике. Но новый директор, резкий, полный опасной силы, уже заполнил это

пространство целиком. Он словно выпил одним присутствием весь воздух. Мне казалось, что она может ощущать его присутствие даже кожей.

Он поднялся с татами единым движением и подошел к ней с кривой ухмылкой.

– В утреннем наряде ты мне больше нравилась, лучшая ученица Мия Сайто.

– Простите, господин, – ответила Мия, опустив взгляд, – но меня учили, что гейша всегда должна услаждать взор и слух мужчины, являя собой образец изысканности и утонченности. Боюсь, мой утренний наряд никак не подходит для этого.

– Отчего же, – синие глаза сверкнули, по губам поползла масляная улыбка, – еще как подходил. Смотреть на тебя в нем было наслаждением.

Мия стояла все так же, потупив взгляд, пока он обходил ее по кругу, словно примериваясь, с какого бока цапнуть. Рядом с ним и без того миниатюрная Мия почувствовала себя совсем крохотной. Скрытая сила, которую источал этот мужчина каждым своим движением и даже просто присутствием, заставляла ее чувствовать себя слабой.

Он склонился к ее шее, вдыхая запах сандалового масла, а потом медленно, наслаждаясь каждым движением, вынул шпильки – одну за другой. Волосы упали на спину, подобно струям воды, плащом укутали тело, спустившись до земли. Мужчина восхищенно выдохнул.

– Значит, лучшая. – Его пальцы очертили ушко Мии, спустились ниже на шею. – Самое время переходить от теории к практике.

Она молчала, тяжело дыша и кусая губы, чтобы не закричать. Да, она знала, что рано или поздно достанется мужчине. Незнакомцу, который заплатит большую цену на аукционе, выкупая девственность девушки. Знала, что этот мужчина может оказаться неприятным или даже жестоким...

Но все это было в каком-то далеком «потом», призрачном будущем, которое может и не случиться. И это «потом» было судьбой, для которой Мию растили с восьми лет.

Школа обучала науке любви, но не поощряла бесстыдство. И сейчас целомудрие Мии и ее гордость протестовали горячо и резко. Стать игрушкой господина Такухати, отдаться ему просто оттого, что он выбрал ее среди прочих выпускниц и пожелал взять, было унижительно.

В этот миг Мия поняла, почему директор прибыл так рано и отчего распорядился, чтобы их всех вывели к нему в таком непристойном виде. Директор с самого начала желал выбрать себе постельную утеху.

Да, он был красив, но внешняя красота словно подчеркивала безжалостность этого мужчины.

– Пожалуйста, прекратите, – резко сказала Мия. – Или будет больно.

Ее тонкая ладонь полностью утонула в его лапище. Он провел пальцем по запястью. Ухмыльнулся:

– Ты про браслеты? Не будет. Я все же маг, девочка.

Мия слотнула. Браслеты на руках защищали собственность школы – учениц. От мужского внимания и собственных блудливых желаний. Стоило какому-то мужчине попробовать овладеть будущей гейшей против ее воли, как его ждал очень болезненный магический удар.

– Я не хочу, – сказала она, когда директор распустил пояс на ее кимоно.

– Захочешь! – самоуверенно отозвался он. – Тебе понравится.

– Я буду кричать, господин Такухати.

– Если только от страсти. – Он запустил руку в ее волосы, заставляя запрокинуть голову.

И тут же возмущенно отпрянул, когда вроде бы покорная девочка до крови прокусила ему губу при попытке поцеловать ее.

– Ах ты... – Дальше шло слово, значения которого Мия не знала.

Она была готова к насилию и понимала, что не сможет противостоять ему, но Акио Такухати не предпринял повторной попытки. Вместо этого он отошел к столику и налил себе сливового вина из темной пузатой бутылки.

– Хочешь? Нет? Ну и ладно. – Он отхлебнул и сверкнул белыми зубами. – Чего ты боишься? Думаешь, я не знаю об особых уроках, которые проводила Итико?

Мия залилась краской от этого напоминания.

– Это твоя судьба – ублажать мужчин, – жестко продолжал он. – Так что от тебя не убудет быть со мной поласковой сегодня, не так ли?

Она запахла кимоно:

– Нет, господин Такухати. Я не буду с вами «поласковее».

– Почему?

– Не хочу. Вы можете взять меня силой, но по доброй воле я вам не отдамся.

– Отдашься тому, кто больше заплатит? – зло спросил он. – А ты знаешь, как все это происходит, маленькая принцесса? Думаешь, все будет красиво, нежно, романтично? Или что тебя выберет сам сёгун?

– Я не наивна, господин Такухати. Но я не позволю опозорить себя. Майко, которая не сумела сохранить целомудрие до выпуска, никогда не станет гейшей. Только дешевой шлюхой.

– Какая разумная девочка, – издевательски протянул он и залпом допил вино. – Я не собирался забирать твое целомудрие. Есть много других способов. Тебя уже научили играть на флейте?

Наглая улыбка господина Такухати свидетельствовала лучше любых слов: под «флейтой» он имел в виду совсем не сякухати, на которой Мия и вправду любила играть.

Да как он смеет?!

– Нет! – Она отступила, ускользнув от жадных рук.

– Не учили? Какое упущение. Нужно будет исправить.

Уроки госпожи Итико включали в себя искусство минета. Ученицы обучались ему в мире грез, который создавал для них маг «Медового лотоса». Не познавшая прикосновений мужчины Мия умела многое. Она была лучшей во всем.

– Я не нуждаюсь в дополнительных уроках, господин Такухати.

Теперь на его лице появилась настоящая злость. Еще полчаса назад под этим яростным взглядом Мия пожелала бы забиться в угол, спрятаться. Однако сейчас она вдруг поняла, что ее страх перед этим мужчиной растворился. Мия выступила против него и смогла устоять.

Почему он не стал прибегать к силе? Почему ограничился словами?

Она чуть не задохнулась, когда поняла почему.

– Ты учишься в моей школе, – процедил директор. – Ты принадлежишь мне. Так что будь послушной шлюшкой – встань на колени и покажи, чему тебя научили.

Тут Мия чуть не рассмеялась:

– Школа принадлежит не вам – гильдии. И я принадлежу гильдии. А вы – вор и пытаетесь забрать то, что вам не принадлежит. – По тому, как изменилось лицо мужчины, она поняла, что попала в цель.

– Умная, да?

– Я недаром первая ученица, господин Такухати, – сказала Мия, пряча улыбку.

Он снова приблизился и вцепился в ее волосы, заставляя смотреть ему в лицо. Его взгляд давил, как пресс давит спелые сливы, но Мия не отвела глаз.

– И в чем же ты первая? – Его губы презрительно скривились.

– В музыке, чайной церемонии, каллиграфии, искусстве составлять хокку и икебаны... – ровным голосом перечисляла Мия. Горячее дыхание касалось ее губ, синие глаза светились магией, наполнявшей тело мужчины.

– ...сегодня будет состязание по танцам. И на нем я тоже стану первой.

Это прозвучало хвастливо, но пренебрежение, с которым господин Такухати слушал рассказ о ее успехах, разозлило Мию. Он словно показывал всем своим видом, что любое ее искусство и сама она – ничто перед его статусом, магической властью и знатным происхождением. Мия же себя ничем не считала.

– Станешь первой?

Она выдержала его взгляд:

– Стану.

Если на то будет милость Амэ-но удзумэ, но этому мужчине нельзя показывать сомнение, или он подомнет, сотрет, уничтожит Мию.

– Ты слишком уверена в себе для безродной девки. – Господин Такухати сощурился, а потом коварно улыбнулся. – Слушай, первая ученица, как насчет пари? Если ты победишь, я оставлю тебя в покое. Если проиграешь, покажешь мне все, чему тебя научила Итико.

Опасность! Где-то в его словах таилась ловушка. Но где?

Директор не судит состязания, это делают гейши-наставницы. И у него нет власти приказывать им судить нечестно. Почему же он тогда так уверен, что Мия проиграет? Она и вправду хороша в танцах, одна из лучших среди майко...

– Подумай, – все с той же улыбкой добавил господин Такухати, – сколько у меня возможностей испортить жизнь строптивой лучшей ученице, чтобы научить ее послушанию и скромности.

– Я согласна на пари, господин Такухати. Прошу, разрешите мне удалиться. Я должна подготовиться к состязанию.

Он выпустил ее волосы.

– Иди.

Только покинув комнату, Мия позволила себе бессильно сползти по стене. Ноги не держали, руки тряслись при одном воспоминании о случившемся.

Зачем она это сделала? Зачем согласилась на безумное пари?

Она вздохнула и начала медленно собирать волосы, чтобы уложить их заново в узел.

Теперь она не вправе проиграть!

С солнечными лучами во двор пришло тепло. Туман еще стоял над сопками, стелился меж сосен, но здание школы, низкое и приземистое, с чуть загнутыми вверх краями крыши, уже прогрелось. Солнечный свет рябил, отражался от водной глади маленького пруда с лотосами. Если бы не порывы пронзительного зимнего ветра, можно было бы поверить, что пришла весна. Но рано, пока рано.

Солнце гладило крыши маленьких домиков, где ночевали и жили наставницы и ученицы.

Мия медленно обула сандалии-гэта и вышла из здания. Прочие ученицы вместе с

наставницами сейчас завтракали в столовой, но ей после разговора с директором кусок не лез в горло и не хотелось слушать чью-то веселую болтовню.

Нужно собраться! Первый урок – каллиграфия. Если у нее будут так дрожать руки, это сразу заметят.

Тихий клетот со стороны обычно пустующего загона для скотины заставил ее вздрогнуть. Птица фэнхун!

Фэнхуны вили гнезда в жерлах вулканов и питались живым пламенем, не давая силе земли вырваться на поверхность и уничтожить все живое. Наверное, Акио Такухати действительно могучий маг, если сумел укротить фэнхуна.

Волшебный летун сидел за оградой. Со сложенными крыльями он казался не таким уж большим – два дзё^[1] в длину. Пламя в его груди едва тлело.

Мия подошла ближе, рассматривая чудо-птицу. Кожистая пленка века чуть дрогнула, птица повернула голову и уставилась на Мию в упор.

«Чего ты хочешь?» – эта мысль не принадлежала Мие. Она была чужой, сказанной гортанным резким голосом. Только голос этот звучал у Мии в голове.

– Кто здесь? – Мия вздрогнула и оглянулась, но двор был пуст. Никого, кроме нее и птицы.

«Ты слышишь меня? – Теперь в голосе, которым говорил незнакомец, ощущалось удивление. – Ты маг?»

– Нет.

Мия еще раз обернулась. Никого. Только фэнхун все так же рассматривал ее в упор, слегка наклонив голову.

Она охнула от неожиданного прозрения и спросила у птицы:

– Это ты говоришь со мной? Ты умеешь говорить?!

«Мы все умеем. Только люди не умеют слушать. Никто, кроме магов». – Гигантская птица подошла ближе к краю ограды. Крылья волочились за ней. Вопреки ожиданиям, фэнхун не источал жара. Волны огня, гулявшие по перьям, светили, но не грели.

– Я не маг, – возразила Мия, – у меня глаза черные.

«Это потому, что твое пламя еще спит. Чем больше сила, тем труднее разбудить. Это мудро. Вы, люди, как птенцы. Никто не пустит птенца в самое жерло».

Хоть от птицы и не шел жар, Мие стало жарко.

– И как разбудить мое пламя? – жадно спросила она у фэнхуна.

Тот покачал головой. Совсем по-человечьи.

«Я не знаю, маленькая майко. Но я видел, что Акио Такухати положил на тебя глаз. Будь осторожна и не гневи его. Я знал немало людей, но не встречал никого более жестокого».

– Почему тогда ты служишь ему?

«Он наложил на меня путы. Сплел сеть из волос покойной ведьмы, вымочил ее в черных водах проклятого источника и поймал в силки, как перепелку. – В голосе фэнхуна послышалась тоска. – Я бы все отдал, чтобы вернуться домой, на склоны священной горы. Где-то там до сих пор живет моя семья, маленькая майко. Они не знают, что случилось со мной».

– Ох...

Сердце сжалось в груди. Мия с восьми лет не знала иной семьи, кроме школы, но она помнила свою мать – немолодую полную женщину с теплыми руками и лукавыми морщинками вокруг глаз. Мия бы все на свете отдала, чтобы вернуть ее. Обнять, уткнувшись

в застиранное кимоно, положить голову ей на колени, испрашивая благословения.

– Есть ли способ тебя освободить?

«Это может сделать только маг, маленькая майко. Черная сеть всегда со мной, оплетает мои крылья. Но я благодарен тебе за сострадание».

В воздухе разнесся удар гонга, призывая учениц на первый урок.

«Иди, маленькая майко, – устало сказал фэнхун, – или опоздаешь. Если судьба однажды занесет тебя к подножию священной горы Адзаси, найди моих сородичей и расскажи им, что Хоно Рыжее Перо не погиб, но томится в неволе».

– Хоно Рыжее Перо, – тихо повторила она и поклонилась фэнхуну, как младший кланяется старшему. – Мое имя Мия, и если в моих силах помочь тебе, я помогу.

Глава 2

Танец сиреневого журавля

Из-за назначенного на вечер состязания отменили половину уроков, и уже к обеду выпускницы освободились. Младшие девочки должны были подойти позже, чтобы присутствовать на ежегодном сражении за звание Ивовой ветви в качестве зрительниц.

Звание было почетным. Гибкая ива – воплощение женственности, сути гейши. Податливая, но стойкая, она гнется, но не ломается и может больно хлестнуть в ответ.

Победительница получала подарок – серебряные шпильки-кандзаси с символом «Медового лотоса» и иероглифом собственного имени.

Кумико подошла, когда Мия уже завязывала пояс-оби на особом кимоно для танцев. Рукава-крылья расшиты изображением летящей сакуры, ткань обрисовывает тело мягкими складками, подол тянется по полу, стекает у ног лужицей сиреневого шелка.

Обернувшись, Мия поймала полный ревнивой обиды взгляд майко. Ичиги и Оки за ее спиной тоже смотрели недобро.

– Почему ты? – Голос Кумико дрожал от гнева. – Почему всегда ты, возомнившая о себе худородная девка?!

Отцом Кумико был самурай. Нищий и вконец спившийся, он продал дочь в школу, чтобы ему не пришлось кормить ее самому, но Кумико не уставала напоминать всем о своем благородном происхождении.

– Ты чем-то недовольна, Кумико-сан? – вежливо спросила Мия.

Их продали в школу в один день. Неприязнь между ней и Кумико зародилась с первого взгляда и дальше лишь крепла.

Мия, недавно пережившая смерть матери, замкнулась, не желая пускать хоть кого-то в свой наполненный тоской мирок, а Кумико была активна, весела и сразу стала лидером среди будущих гейш. Мия же оказалась в положении изгоя.

Она год провела изгоем. Одиночкой, лишенной тепла. Еда не имела вкуса, а мир – красок. И учеба казалась утомительной обязанностью. Тогда Мия была последней среди учениц, и гейши-наставницы даже спорили, стоит ли тратить на нее время и силы – ясно же, что в девочке нет задора и жизни. А коли так, ей никогда не стать хорошей гейшей.

А потом встреча с крохотным тогда еще Дайхиро заставила ее поверить, что в мире осталась радость. И Мия захотела жить. Захотела стать лучшей среди равных.

Она стала лучшей, но так и не стала своей.

Кумико не сразу почувствовала опасность от презираемой всеми серой мышки. Первый тревожный звоночек для дочери самурая прозвучал, когда Мия обогнала ее на состязании по каллиграфии.

Дальше – больше. Как ни старалась Кумико, Мия – замкнутая, задумчивая, отверженная сверстницами, упорно обходила ее во всем. Наставницы начали хвалить Мию и даже ставить в пример.

В довершение всего она вдруг расцвела, как распускается бутон цветка, превратившись в считанные месяцы из угловатой неуклюжей девчонки в изящную молодую девушку.

Этого самолюбивая дочь самурая уже не выдержала. Насмешки, тычки, подколки и мелкие пакости от нее и ее свиты стали постоянными спутниками жизни Мии, пока госпожа Итико не прекратила это, пригрозив, что отчислит Кумико.

Лишенная возможности делать гадости, Кумико не уставала их повторять. В лицо и за спиной.

– Знаю, это все из-за твоих волос, ведьма, – продолжала дочь самурая, словно не расслышав тонкой издевки, скрывавшейся в словах Мии. – Ты раскинула их так, что заслонила всех остальных.

– О чем ты?

Ученица зло сощурила глаза:

– Не делай вид, что не понимаешь. Почему господин Такухати вызвал тебя? Тебя, одну из всех нас!

Ичиги и Оки за ее спиной что-то добавили презрительное и ворчливое.

– Ты... ревнуешь? – изумилась Мия. И, увидев, как вспыхнула дочь самурая, поняла, что попала в цель.

Как можно ревновать того, кого видела лишь однажды в жизни несколько минут?

– Мы видим тебя насквозь, маленькая дрянь. Ты хочешь окрутить господина Такухати, соблазнить его, чтобы стать его супругой, – выпалила Ичиги. Обычно смешливая и беспечная, она смотрела на Мию с настоящей ненавистью.

– Я клянусь памятью матери, – Мия приложила руку к сердцу, – что это последнее, чего я хочу. Акио Такухати не привлекает меня как мужчина, и если бы он и пожелал жениться на мне, я бы сделала все, чтобы избежать этого брака.

– Врешь! – фыркнула Оки.

По лицам девочек было видно, что они не верят ни единому слову Мии.

Да, наверное, трудно поверить в эти слова, если видела директора только несколько минут. Ведь он красив, из знатного рода и влиятелен. Не каждому выпадет несчастье узнать его жестокость.

– Грязная лживая дрянь, – громко произнесла Кумико. – Неужели ты думаешь, что мы такие дуры?

Спорить было глупо, но промолчать означало согласиться с обвинением.

– Я не лгу.

Дочь самурая коварно улыбнулась:

– Тогда докажи это.

– Как?

– Победительница получит награду из рук господина Такухати. Проиграй состязание. Дай шанс ему заметить другую майку.

Кумико говорила о себе. Она прекрасно танцевала и была главной соперницей Мии уже много лет.

Как объяснить им? Как рассказать об унижительных домогательствах в кабинете директора, не получив клейма лгуны? А если Акио Такухати узнает, что она болтала об этом разговоре, он найдет способ превратить жизнь Мии в ад.

Но и согласиться с предложением Кумико невозможно.

А между тем госпожа Итико больше не в школе. И некому будет призвать к порядку шутниц, которые вздумают привязать волосы Мии к ножке столика, пока она спит, или засунуть скорпиона в складки кимоно.

– Амэ-но удзумэ неуютна ложь, – сказала Мия. – Я буду честной в своем танце.

В зале не было мебели, лишь татами на полу. Угол занимали младшие девочки,

невероятно гордые оказанным доверием. Рядом с ними лежали цитры, флейты и барабаны. В другом углу на пятках сидели наставницы и танцовщицы, которым сегодня предстояло продемонстрировать свое искусство.

Акио Такухати возвышался над ними, как сосна над кленовой рощей. Прочие майко, да и наставницы нет-нет да и бросали на него восхищенные взгляды. В черном кимоно, расшитом серебряной нитью, с распущенными по плечам волосами директор источал ауру опасной притягательной силы.

Он повернулся, заметил замершую в дверях Мию, и по чувственным губам скользнула насмешливая улыбка.

– Проходи, лучшая ученица. Проходи и садись. – Он указал на место рядом с собой.

Мия предпочла бы сесть рядом с другими ученицами, но ослушаться приглашения, высказанного на глазах у всей школы, было нельзя. Она прошла через зал под ненавидящими взглядами будущих гейш и опустилась на татами рядом с директором.

Зачем он это делает? Неужели не понимает, что, выделяя ее среди прочих учениц, сеет в них зерна ненависти?

Довольный взгляд Акио Такухати сказал без слов – понимает.

Заплакали флейты, зазвенели струны, застучали барабаны. Состязание началось.

Мия следила за танцем учениц с тяжелым сердцем и желала им оступиться, неудачно повернуться или выронить веер.

Это были незнакомые, гадкие мысли. Раньше они никогда не посещали ее во время состязаний. Да, она любила побеждать, но лишь потому, что любила становиться лучшей среди лучших. И никогда не желала другим неудачи.

Акио Такухати сидел рядом, по правую руку, и ей казалось, что она чувствует жар, исходящий от его мускулистого мощного тела. Его властность и сила, наглость, с которой он добивался желаемого, чем-то притягивали, затрагивали тайные струны души юной майко. И это заставляло ее сопротивляться еще сильнее.

Когда пришел ее черед танцевать, Мия грациозно поднялась с татами, подхватив два веера. Скользящей походкой вышла в центр зала и замерла, ожидая музыку.

Взгляд Акио Такухати, казалось, прожигал сквозь одежду, оставляя отметины на коже.

Высоко и нервно всплакнула цитра. Мия двинулась, распустила веера и повернулась. Взмахнула рукавами-крыльями...

Каждое движение исполнено изящества и соблазна. Веера порхают, как крылья бабочки, чуть касаются тела, шлейф кимоно тянется по татами переливчатой шелковой волной.

Мия забыла о своем пари. Забыла все беды и заботы этого дня, растворяясь в танце, и даже забыла о взгляде Акио Такухати, что все так же неотступно следовал за ней.

Танец-соблазн, танец-обольщение. В нем Мия становилась то текучей водой, то гибкой ивой, то танцующим журавлем.

Музыка не прервалась, но по сигналу наставницы на татами навстречу танцовщице поднялась Кумико. В ярко-алом кимоно, расшитом звездами, она была диво как хороша. Кумико взмахнула своими веерами, и танец-соблазн превратился в танец-соперничество.

Дочь самурая хорошо танцевала. В ее движениях сквозили сдерживаемые приличиями порыв и страсть, и техника ее была почти безупречной. Но все портило излишнее самолюбование. Если танец Мии был молитвой во славу Амэ-но удзумэ – богини счастья и танца, то Кумико танцевала, чтобы показать себя, слишком уж наслаждаясь всеобщим вниманием и своим мастерством.

Кумико наступала, атаковала. Не желая творить танец вместе, она захватывала себе все большее пространство, вынуждая Мию или следовать за ней, или ломать рисунок танца.

И Мия подчинилась. Последовала за чужим танцем. Повторяя движения Кумико, смягчая и преображая их в своем танце, она скользила вокруг соперницы.

Вода принимает форму сосуда, но остается водой. Ива согнется под порывом ветра, но не станет спорить.

Звенели цитры, пели флейты. Два журавля – алый и сиреневый – танцевали на татами.

Состязание?

Нет, беседа.

Когда в воздухе затихли последние звуки музыки, майко восторженно выдохнули и захлопали, а Мия вздрогнула, приходя в себя. Поймала злой взгляд Кумико и восхищение на лице Акио Такухати. Увидев, что она на него смотрит, директор издевательски поклонился.

Судили наставницы недолго.

– Гейша подобна цветку, – заговорила госпожа Оикава, выйдя в центр зала. – Она грациозна, как ива, – сильная, но гибкая. Желанная для любого мужчины, но не принадлежащая ни одному из них полностью.

Наставница замолчала. В зале стало так тихо, что можно было слышать, как далеко за стенами в горах хрипло кричит ворон.

– Мия Сайто, – объявила гейша. – Она достойна зваться Ивовой ветвью.

Псы настигали. Они бежали по следу, почти не лая, стремительные и неотвратимые. Джин знал, что они не отстанут. Повязка пропиталась кровью – этот запах для собак как сигнал: «Сюда! Добыча здесь!»

Кружилась голова, накатывала темнота, и дорога норовила вывернуться из-под ног, как бывает, когда переберешь сливового вина.

Горы... впереди горы, нет людей. Это хорошо. Главная опасность не псы, а те, кто идет за ними по пятам. Но преследователи не найдут его, если Джин успел увести собак достаточно далеко. А со сворой он как-нибудь справится.

Эх, была бы катана...

Джин вылетел на каменистый, лишенный растительности участок. Впереди круто вверх уходила тропа, вводила в горы, подальше от людей. Пес залаял где-то совсем рядом, и Джин понял – всё. Время для бега закончилось. Пришло время битвы.

Он прислонился спиной к скале и вынул кинжал-танто из ножен. Из зарослей бамбука выскочил вожак своры, пес бойцовской породы – поджарый, темно-рыжий, с мощными челюстями и широкой грудью.

– Ну, давай, – сказал Джин. – Иди, сволочь!

Вожак приглашению не внял. Увидев, что добыча больше не убегает, он тоже притормозил. Обогнул Джина по дуге, подав отрывистым лаем сигнал прочим псам, и сел, свесив язык.

Джин взвесил нож в руках и метнул. Лезвие вошло точно в горло. Пес еще попытался укунить его на прощанье, но Джин был быстрее. Он успел вытереть лезвие о шкуру убитого врага и вернуться к скале, прежде чем из бамбуковой рощи показалась остальная свора.

Три... нет, четыре собаки.

И ни одного человека. Хорошо.

Он рассмеялся. От смеха заболело плечо. Там, где торчал обломок стрелы.

– По одному, с-с-собаки!

– И вот ты снова здесь, Мия Сайто. Второй визит за день. Понравилось в прошлый раз?

Она думала, господин Такухати будет в ярости из-за проигранного пари, но на лице директора поселилась странная улыбка. И во взгляде, которым он посмотрел на Мию, больше не было пренебрежения, но все так же читалось желание. И еще что-то, похожее на восхищение.

Мия все еще была в сиреневом кимоно, в котором победила на состязании. Выбеленное лицо и подкрашенные губы, волосы уложены в ритуальную прическу.

– Мне сказали, что я должна прийти сюда, чтобы получить кандзаси из ваших рук, – тихо сказала Мия, потупив взгляд.

Дар победительнице состязаний вручался при всех ученицах, но Акио Такухати лишил ее этого краткого мига торжества.

– Верно. – Он взял со столика шкатулку, повертел в руках, словно раздумывал – отдать Мие или вернуть на место.

Не вернул. Шагнул со шкатулкой в руках к Мие, разом сократив расстояние. И словно заполнил собой всю комнату – непредсказуемый, опасный.

– Ты хорошо танцевала, лучшая ученица. – Он протянул ей шкатулку. – Открой.

Мия взглянула на него с сомнением, но все же откинула крышку. Парные шпильки из серебра с навершием в форме ажурного веера. По навершиям шла гравировка в виде сплетенных иероглифов, означающих ее имя, и стилизованное изображение лотоса. Гравировка чуть светилась, а это означало, что ее сделали не ювелирными инструментами, но магией.

– Я сделал это для тебя, – подтвердил господин Такухати. – Заслужила. Этот танец стоил того, чтобы убить за него.

– Благодарю вас, господин Такухати. Это большая честь для меня.

– Благодарность на словах – это хорошо, но я предпочитаю дела.

Его голос упал до вкрадчивого шепота, и Мия отступила, уткнувшись спиной в бамбуковую стену. Сердце заколотилось часто-часто.

– Я выиграла спор, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал все так же почтительно и бесстрастно.

Он же обещал!

– Выиграла. – Акио склонился ближе. – Всего один поцелуй. В благодарность, лучшая ученица.

От него пахло соснами и грозой, жестокостью и силой.

– Нет! – Мия выскользнула, радуясь, что его руки заняты шкатулкой и он не может удержать ее. – Вы обещали.

– Ну ладно, как хочешь. – Он рассмеялся. – Не буду приставать к тебе, пока сама не попросишь. Возьми свой приз, лучшая ученица.

Мия до последнего ждала подвоха. Но директор только снова рассмеялся, когда она опасливо приблизилась, чтобы выхватить шкатулку из его рук. И когда Мия попросила разрешения удалиться, снисходительно кивнул.

– Иди. Но помни, – окликнул он Мию, когда она уже стояла на пороге, – я отпускаю тебя до первого серьезного проступка. До тех пор, пока ты и впрямь лучшая. Так что не нарушай правила. А если нарушаешь – не попадайся.

Мия сжала шкатулку так, что пальцы побелели. Она собиралась нарушить правила уже этим вечером. Как только покинет кабинет и переоденется.

– А что будет, если я нарушу правила и попадусь, господин Такухати?

Отчего-то ей показалась, что вся эта сцена была задумана директором ради вот этого финального, как будто между делом, предупреждения.

– Увидишь. – Обещание в его голосе совсем не понравилось Мие. – Я накажу тебя, лучшая ученица. Надеюсь, наказание тебе понравится.

Когда Акио Такухати вспоминал последний разговор с сёгуном, ему хотелось кого-нибудь убить.

– Я очень разочарован, – сказал сёгун, и его глаза вспыхнули алым светом. – Я дал тебе самураев и корабли. Ты потерял половину и не принес взамен ничего – ни пленников, ни новых земель.

Акио мог бы ответить, что у противника была втрое большая армия. Что самханцы сражались на своей территории. Что среди них был наследный принц, который разбудил вулканы, и Акио с десятком других самых родовитых и сильных магов три дня, не зная сна и отдыха, сдерживал буйство стихии в огненном аду, пока войска отступали и садились на корабли. Что он потерял в этой битве двух из трех своих фэнхунов. И что когда его уносили на последний еще не отчаливший корабль – уносили потому, что идти сам он уже не мог, – его тело напоминало обгорелый кусок мяса, и лекарь сказал, что генерал не проживет дольше суток.

Прожил. Вцепился в дарованный шанс. Выл от боли, привязанный к койке, когда корабль болтало в страшном шторме – прощальный подарок самханцев вторгшимся захватчикам. Магов, способных остановить буйство стихии, среди войска не осталось – все полегли в битве.

Все, что запомнилось из того кошмарного возвращения домой, – боль и беспомощность. Все время, пока разбросанные бурей корабли искали друг друга, он валялся на койке, снова и снова пытаясь раздуть почти угасшую в борьбе с вулканом искру своего магического пламени.

Он знал, что выглядит плохо, не зря самураи, приходившие навестить генерала, отводили взгляд. Знал, но не подозревал, насколько, пока в ответ на прямой приказ ему не принесли зеркало. Акио осмотрел сочащееся сукровицей кровавое мясо, ухмыльнулся сожженными губами:

– Хор-рош, да! Все девки мои. – И вернулся к медитациям.

Он не привык сдаваться или жалеть себя.

И магия, почти вытравленная чужой, более мощной силой, откликнулась.

Род Такухати был древним. Силы его крови не достало бы, чтобы разбудить стихию, но вернуть себе прежний облик Акио сумел.

Он регенерировал; сначала медленно, почти незаметно, а потом все быстрее. Нарастала новая кожа – неприятно розового, поросычьего оттенка, она невыносимо чесалась.

На третий день после возвращения магии Акио встал. Не обращая внимания на причитания лекаря, покинул каюту и отправился инспектировать корабль.

Когда несколько недель спустя флот подходил к родному берегу, Акио мог показаться на людях, не боясь, что от него начнут шарахаться. Забота об оставшихся в живых воинах, дорога до столицы, ожидание аудиенции сёгуна дали время восстановиться окончательно. Сейчас,

глядя на его невозмутимое красивое лицо, никто не смог бы предположить, как выглядел Акио всего лишь месяц назад.

Но рассказывать все это сёгуну было бессмысленно – тот знал и так. В окружении Акио постоянно присутствовали три человека, доносившие главнокомандующему о любом шаге слишком уж самостоятельного генерала. Три – и это только те, о ком Акио знал точно. Сколько еще шпионов находилось в самой армии, сказать было затруднительно.

И так же бессмысленно было напоминать, как генерал Такухати с самого начала противился авантюре с высадкой и быстрым захватом побережья. Как предупреждал сёгуна: слухи о смуте в соседней стране, вызванной не решенным до конца вопросом престолонаследия, слишком неопределенны, чтобы опираться на них.

Не важно! Если Шин Ясуката пожелал назначить виноватого, он не станет слушать голоса разума. Но виновным в поражении генерал Такухати себя не считал и сэппуку делать не спешил. Напротив, всякий раз, когда Акио вспоминал, сколько воинов сумел вывести живыми из огненного ада, на его обычно бесстрастном лице мелькала тень довольной улыбки.

– Гейши? – переспросил Акио. – При чем тут гейши?

– Им нужен маг, а ты умеешь создавать иллюзии-генсо.

– Хотите, чтобы я подчинялся женщине?

Он даже тоном не выдал своего отношения к безумному предложению сёгуна. Военачальник из рода даймё в подчинении у жрицы любви – это слишком дико. Такого позора не стерпит ни один самурай.

– В «Медовом лотосе» сейчас нет директора, – лениво процедил сёгун. – Надеюсь, ты справишься с руководством пятью десятком девочек и женщин.

Акио проглотил оскорбление молча.

– Не делай такое лицо, это временная мера, – все так же лениво продолжал сёгун. – Слишком многие недовольны твоим позорным бегством. Если я просто верну тебя ко двору, многие решат, что слово сёгуна ничего не значит.

– Как долго? – спросил Акио.

– Не знаю. Я вызову тебя, когда потребуешься, а пока ступай.

Акио поклонился и вышел. В груди зрела холодная злая ненависть.

– Он пытался избавиться от тебя, потому что боится. – Отец зашелся кашлем и приник к стеклянной колбе, вдыхая курящийся внутри целебный дым. – Даже войском готов был пожертвовать, лишь бы ты не вернулся.

– Знаю.

– Ты моложе его на двенадцать лет, силен, тебя любит народ и уважают самураи. И ты сын даймё северной провинции. А у сёгуна до сих пор нет законного наследника.

– Знаю.

О том, что главнокомандующего хорошо бы сменить, отец говорил последние пятнадцать лет. Со дня переворота, когда заговорщики ворвались во дворец и вырезали императорскую семью вместе с домочадцами и слугами. Говорил не впрямую. Намеками, обиняками. Но честолюбивые планы даймё не были секретом ни для его родных, ни для сёгуна.

– Поезжай. Еще не время. Я сделаю все, чтобы тебя официально простили. Если получится, то уже на ханами^[2]. – Голос отца дребезжал перетянутой струной. Вновь ставшие черными, как у простолюдина, глаза говорили, что даймё недолго осталось. Маг редко

переживает свою магию больше чем на год-два.

Потом, слушая главу гильдии – изысканную и надменную женщину без возраста, – Акио решил: что ж, пусть будет как будет. Так даже лучше.

Он просидит, сколько потребуется, в провинции, командуя полусотней женщин вместо стотысячной армии. Не сопьется, не сойдет с ума от скуки, не забросит тренировки. Нет, он использует это время, чтобы отточить свои умения и разум, как самурай точит перед битвой катану. А для расслабления выберет себе девицу из майко. Посмазливее да посочнее. И она скрасит ему ожидание в глуши, пока в столице отец и сёгун играют в свои политические игры.

Акио заметил ее сразу, лишь стоило фэнхуну снизиться. Она стояла – в одной коротенькой полотняной рубашке, почти не скрывавшей соблазнительных очертаний девичьего тела. Шелковое полотно волос черней воронова крыла плескалось по ветру, лицо было задумчивым, а взгляд ясным и спокойным.

Тогда, захлестнутый волнами всеобщего восхищения, Акио даже не понял, что она – единственная из майко – не разделяет восторга подруг. Просто пожелал завладеть ею. Попробовать на вкус алые губы, намотать на руку волосы, порвать рубашку, чтобы увидеть скрытую за ней девичью наготу.

Женщин Акио втайне слегка презирал. Приличных – за безропотную покорность, продажных – за готовность дарить ласки в обмен на деньги.

Но девчонка оказалась с норовом, который куда больше пристал бы наследной принцессе, чем безродной сироте. Безродной, – он специально уточнил, когда она ушла.

Не желая тратить время на уламывание или соблазнение девки, он предложил пари. Что стоит магу чуть подправить чужой танец? Сбить с ритма, заставить ногу оскользнуться на татами.

Но когда она выпорхнула в зал яркой сиреневой бабочкой, когда затрепетали веера, хлестнули по воздуху рукава-крылья, он забыл обо всем. Не раз бывавший в «квартале ив и цветов» Акио никогда и нигде не видел столь совершенной красоты и грации. Любое выступление самой дорогой и известной гейши было бледным подобием танца Мии.

Прервать его стало бы преступлением против Красоты.

Он так и просидел, не отрывая от нее взгляда. И когда отзвенели и растаяли в воздухе последние звуки музыки, ударил в ладоши, нисколько не жалея об упущенном шансе.

Да, теперь он хотел ее стократ сильнее. И поклялся себе, что получит ее – маленькую гордичку, танцующую, как сама богиня Амэ-но удзумэ. Хочет она того или нет, она станет его.

Глава 3

Встреча

Мия запахла глубже теплое, подбитое шерстью кимоно и оглянулась. Залитая закатными лучами школа молчала.

У Мии есть час. Потом с гор спустится вечер, принесет с собой зимние туманы. Ученицы разожгут жаровню в домике и начнут готовиться ко сну. Еще два часа при свете маленькой лампы, и расстелют матрасы-футоны. Если она не успеет вернуться к этому времени, ее отсутствие непременно заметят.

Раньше она всегда успевала.

Она разулась и привязала гэта к поясу. Поставила ногу на поперечную перекладину из бамбука, подтянулась. Бамбук был скользким, но Мия – цепкой и ловкой. В два рывка она перемахнула через ограду, отделявшую изысканный и замкнутый мирок будущих гейш от большого мира – интересного и опасного.

Отвязала гэта и обулась, чтобы не бить ноги по острым скалам. И зашагала вверх по еле заметной тропке.

Школа «Медовый лотос» находилась в предгорьях, чуть в стороне от людских поселений. До ближайшей деревни был час пешего хода, но Мия сейчас направлялась совсем в другую сторону.

Она шла не более пяти минут, когда ее окликнул полный и приземистый человек в грубой монашеской одежде. Он был низенький, почти на голову ниже миниатюрной Мии. Под серой накидкой угадывался солидных размеров живот, свидетельствовавший, что последователь Будды пренебрегает срединным путем в пользу чревоугодия. Тростниковая шляпа с широкими полями совсем скрывала лицо монаха.

– Куда ты спешишь на ночь глядя, о прекрасная юная дева, подобная необлетевшему цветку сакуры? И не хочешь ли пойти в храм, чтобы разделить со мной мое скромное подаяние? Сегодня крестьяне были щедры к бедному монаху. – Как бы подтверждая свои слова, он крепче обнял чашу для подаяний размером с хороший котел. Из чаши торчали неоципаные куриные ноги.

Мия остановилась, смерила монаха взглядом и прыснула:

– У тебя хвост торчит!

Из-под накидки и правда виднелся кончик толстого полосатого хвоста.

– Где?! Ах, ну как же это так! – Монах засуетился, пытаясь поправить накидку, но не желая при этом отпустить чашу, словно боялся, что стоит ее поставить, как почившая птица воскреснет, склюет рис и улетит.

Край накидки задрался еще больше, хвост взмыл вверх и распушился, как у почувшего соперника кота.

– Смешной ты! – Мия подошла и аккуратно одернула накидку, возвращая преступный хвост на законное место. – Монахи не едят вечером. И монахи не едят мяса.

– Ничего не знаю, – буркнул тануки. – Я – ем.

– Ты ешь все.

– Протестую! Я не ем, например, камни. И к древесине испытываю вполне понятную неприязнь. Вот, скажем, будь я жуком... но я не жук. – В голосе оборотня послышалась обида на такую вселенскую несправедливость. – Поэтому вынужден добывать себе пропитание в

поте лица, уговаривая добрых людей поделиться со мной тем немногим, что имеют.

– А как же аскеза? Ты же монах.

– Будда проповедовал срединный путь, а значит, и умеренность в аскезе. Клянусь своим хвостом, я и так предавался ей почти три часа! Так что собираюсь воздать хвалу его учению посредством этой птицы.

В доказательство своих слов он все же поставил на землю котел, вынул из него за ноги птицу, оказавшуюся жилистым петухом, и взмахнул ею в воздухе. Несколько разноцветных перьев медленно опустились на тропинку.

– Кочет. – Мия сморщилась. – Старый и вонючий.

– Увы. – Тануки развел лапами. Петух в его ладони печально обвис, протянув к земле наполовину ощипанные крылья. – Добрые крестьяне оказались не так щедры, как мечталось скромному монаху. Но я все же не стану отвергать их подаяние.

– Где птицу спер? – Мия отобрала тушку у оборотня и опустила обратно в котел, к уже имевшемуся там рису и листьям нори.

– Недалеко. – Тануки чуть ослабил завязки и опустил шляпу на загривок, так, что взгляду Мии открылась его широкая усатая морда. – Там еще осталось. Я взял самого старого, ему все равно судьба была в суп. Буду есть и плакать, вспоминая свое милосердие. Не надо так на меня хмуриться, я не был в деревне. Где живу – не гажу.

– Дурачок! – Мия обняла оборотня, уткнулась носом в мохнатую макушку и вдохнула резкий звериный запах. – Тебя столько не было. Я волновалась.

– Да что со мной случится, девочка? – Голос тануки растроганно дрогнул. – Погулял, посмотрел мир. Нигде нет лучше места, чем наши родные горы. Ну-ну, не будем плакать и обниматься на дороге, Мия-сан. Пойдем-ка в храм. Надо успеть развести костер, пока совсем не стемнело. Я и вправду голоден, как сотня голодных демонов гаки.

Болезненно ныли и нарывали укусы на руках и ногах, а еще отчего-то стало жарко, несмотря на вечер и холодное дыхание зимы со стороны гор. В ушах звенело, словно сейчас лето и цикады завели свою несмолкаемую песню.

Лето... и правда, лето – жара, цикады...

Он покачнулся и оперся рукой о скалу. На сером камне остался темно-красный след.

Отдохнуть бы сейчас, после бега и боя. Закрывать глаза. Ненадолго.

«Нельзя! – Мысли ворочались в голове медленно, словно нехотя. – Найдут!»

Он сделал шаг. Еще шаг. Покачнулся и рухнул на колени, а после на четвереньки.

Взгляд уперся в стрелку дикого чеснока. Снова вяло шевельнулась в голове какая-то мысль. Почти бездумно Джин протянул руку...

Резкий запах ненадолго привел его в чувства. Следы! Пустят еще собак... Надо, чтобы не нашли... Хорошо, что горы – ветра да камень... чеснок...

Лезвие танто врезалось в резко пахнущую белую мякоть. Джин натирал соком чеснока ладони и ноги, чувствуя, как жжет кожу от сока там, где собачьи клыки оставили глубокие раны.

Теперь вверх.

Подъем он запомнил урывками. Большую часть времени Джин не шел – полз, преодолевая беспомощность, слабость и внезапно начавшийся жар. Позже жар перешел в озноб и стало еще хуже. «Лихорадка», – поставил он сам себе диагноз, остановившись, чтобы снова натереть чесноком ладони. Вряд ли из-за укусов, прошло слишком мало времени.

Скорее, стрела...

И снова все сливалось в тяжелый путь меж камней. Путь, который уже не имел смысла – не люди, так начавшаяся болезнь его прикончит.

Потом была удача – русло горного ручья. Почти пересохшего, но все же меж камней струилась вода.

Собаки... не найдут... не возьмут след...

Нога скользнула меж двух камней. Жутковатый хруст он услышал даже сквозь журчание ручья. И сразу от боли потемнело в глазах.

Джин пришел в себя от того, что вода заливалась в нос. Ощупал пострадавшую лодыжку. Малейшее прикосновение к ней отзывалось острой болью.

«Сломал», – понял Джин. Постанывая, вынул ногу из ловушки меж камней и пополз вперед, оскальзываясь на мокрых камнях.

Без мыслей, без надежды. Просто потому, что остановиться означало сдаться.

Когда русло вывело к стенам заброшенного храма, у Джина не осталось сил радоваться или удивляться. Он вообще уже не думал, только полз, повинуюсь не мыслям, но звериному инстинкту. Этот же инстинкт заставил его переползти порог.

Храм был покинут уже давно. Деревянная крыша частично сгнила, но каменные стены стояли крепко. Во внутреннем дворе бил родник. Прозрачные струи с журчанием стекали в огромную каменную чашу – при желании Джин мог бы поместиться в ней целиком. Стекавшая из чаши вода уходила по желобу, давая начало ручью.

Он почти успел проползти двор, прежде чем темное беспмятство накрыло его окончательно.

– Не бывает невкусной птицы, бывают неумелые повара, – распинался тануки. – Дай мне три часа, и увидишь – я приготовлю ее так, что ты забудешь собственное имя, Мия-сан.

При желании оборотень вполне мог сожрать птицу сырой, даже не ошипав. Но Дайхиро был гурманом.

– Не увижу, – фыркнула Мия. – Через два часа я должна быть в школе.

Оборотень насупился:

– Вот так всегда. Всегда, Мия-сан. Ну что за жизнь: вставай, когда скажут. То нельзя, это нельзя, за ворота не ходи, с тануки дружбу не води. Кушать только два раза в день. – Он укоризненно покачал головой: – Послушай мудрого Дайхиро – перебирайся ко мне.

– В горы?

– Чем плохи горы? Ты была в этих ваших человеческих городах? Грязь, толкотня и шум. Воняет опять же. – Оборотень наморщил нос. – Да и в деревнях воняет, – совсем грустно закончил он.

– То-то ты уходишь туда каждый месяц.

– Ах, – картинно вздохнул тануки. – От доброты, сугубо от доброты моей страдаю, Мия-сан. В мире так много несчастных вдов и одиноких женщин, томящихся без мужской ласки. Разве могу я бросить бедняжек? Они снятся мне ночью. Зовут, протягивают руки, просят: «Где же ты, наш Дайхиро? Приди, утешь, утоли нашу страсть!» Вот я и иду...

Он почесал пузо.

В этот раз Мия смеяться не стала. Дайхиро и впрямь обладал необъяснимой привлекательностью для женщин. В каждой окрестной деревеньке у него было по вдовушке, всегда готовой принять, накормить и приласкать толстячка-монаха.

И наличие у этого монаха усов и хвоста их совершенно не смущало.

К заброшенному храму они вышли уже в сумерках. С гор дохнуло холодом, и Мия охватила себя за плечи, тщетно пытаясь согреться. Этот жест не укрылся от Дайхиро.

– Замерзла! – Тануки смешно засуетился. – Давай-давай быстрее внутрь. Сейчас разожжем костер, дровишки-то никуда не делись, я их много в прошлый раз натаскал...

– Ой! Что это?!

Черный, распластавшийся у ступеней силуэт она заметила, только когда чуть не наступила на него. И не сразу поняла, что это человек. В горах хватало духов, и не все они были дружественны, встречались лакомые до человечины. Потому жители деревень у подножия и не любили подниматься слишком высоко вверх, особенно в одиночку.

– А ну стой на месте, Мия-сан!

Тануки поставил на землю котел с едой и с неожиданной ловкостью подскочил к темневшему в сумерках телу.

– Человек. Живой, – объявил он, обнюхав находку. И тут же поправился: – Пока живой, к утру подохнет.

Мия склонилась над телом. От лежащего пахло остро чесноком, а еще потом и кровью. Когда она попыталась перевернуть его, рука наткнулась на что-то липкое.

– Мы должны помочь ему, Дайхиро.

– Зачем? – ворчливо спросил тануки. – Он пришел в наш дом, Мия-сан. Я его не приглашал. Ты приглашала? Нет, ну так пусть уходит, пока не погнажи. Тоже нашел место, чтобы умирать. Я совершенно не хочу копать потом могилу. У меня от работы мозоли. – В доказательство своих слов он продемонстрировал маленькие ручки с гладкой, словно у ребенка, кожей.

– Ну, как хочешь. – Мия попробовала приподнять раненого. Он был страшно тяжелый.

– Ох, погубит тебя твоя доброта, Мия-сан, – заворчал тануки. И с силой, совершенно неожиданной для его неповоротливого толстого тельца, перевернул человека и потащил вверх по ступеням.

Вместе они внесли раненого в храм. Мия зажгла фонарь и бросилась разводить костер.

– Дайхиро, принеси воды! – скомандовала она.

– Воды ему еще, – заворчал оборотень. Но прихватил ведро и вышел на улицу.

Мия повернулась к раненому.

Он был худ, грязен и обряжен в замурзанные брюки-хаками и такое же грязное кимоно прямо на голое тело. Под одеждой виднелась повязка, сделанная из нижней рубашки. Бурая от крови, она присохла к телу. Из спины, чуть пониже левой ключицы, торчал обломок стрелы.

Из вещей у незнакомца был только нож-танто на поясе.

Она перевела взгляд на его руки, покрытые рваными ранами от звериных укусов, потом на лодыжку, согнутую под неестественным для человека углом.

Страшнее всего выглядела левая рука мужчины с запекшимися кровавыми пятнами на месте трех вырванных ногтей. По сравнению с ними синяки и следы плети на теле казались мелочью.

Тануки был прав. Откуда в горах израненный незнакомец с ножом? Кто он? На крестьянина не похож. Разбойник? Дезертир? Убийца?

Кто пытал его?

В дверь с шумом, отдуваясь, вломился тануки, волоча полное воды ведро и давешнюю

чашу с неошипанным петухом.

– Вот! – объявил он, бухнув ведро перед Мией. – Вода. Добрая ты душа, Мия-сан. Подбираешь всякую тварь.

– Не тебе жаловаться. Помоги мне!

Следующие полчаса она обмывала раны. Ножом, найденным у раненого, обрезала грязные тряпки и швырнула в огонь. Всю спину незнакомца занимала татуировка в виде атакующего тигра. Над левым глазом тигра торчало обломанное древко стрелы.

Мужчина глухо застонал, когда она попыталась выдернуть наконечник.

– Кровью истечет, – предупредил тануки. Он уже смирился с присутствием на своей территории чужака и помогал, чем умел, а больше суетился и сыпал жалобами, советами и шутками.

– Что же делать?

– Бинты нужны. Лекарства. А мне нужно поесть. А тебе – обратно в школу, пока не хватились.

Мия еще раз поглядела на раненого. После того как она смыла с его лица грязь и потеки, стало видно, что он молод. Наверное, его даже можно было назвать красивым, если бы не был таким измученным.

– Готовь ужин, Дайхиро. Бульон не пей, оставь для него. Я вернусь через пару часов.

– Но как же... – попробовал возразить тануки, однако Мия была уже за дверью.

Оборотень нахмурился, поворошил палкой костер.

– Эх, Мия-сан, упрямая девочка, доброта тебя погубит. Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Раньше Мия никогда не брала чужого.

Даже когда она нашла в горах Дайхиро – только что осиротевшего, совсем крохотного и неспособного о себе позаботиться. Тогда она таскала малышу свою еду. Тануки и в детстве был прожорлив, скромной порции риса, завернутой в лист нори, и куска рыбы ему никогда не хватало, и Мия собирала в лесу грибы и орехи, удила рыбу в озерце чуть выше в горах.

Но сейчас грибами не обойтись. Нужны бинты, мази, целебные травы.

Она кусала пальцы от нетерпения, ожидая, пока девочки в домике заснут. Потом неслышно выбралась из-под одеяла, прихватив кимоно.

Одевалась она уже снаружи, дрожа от холода на зимнем ветру. Полная луна – солнце мертвых – заливала двор белыми лучами. Такими яркими, хоть читай в их свете.

Госпожа Оикава хранила лекарства в школе. За ширмой в комнате, где будущих гейш обучали массажу и основам акупунктуры.

Фонарь Мия зажигать не стала. С тихим шелестом отъехала в сторону бамбуковая дверь. Знакомая до последней трещинки на стене школа ночью казалась чужой. Пространство словно раздалось вглубь. Мия крадась в тених, прислушиваясь к каждому шороху. Сердце стучало часто-часто.

Что сказать, если ее сейчас здесь найдут? Как оправдаться? После заката ученицам запрещалось приходить в здание школы.

Некстати вспомнилась предвкушающая улыбка на лице нового директора, когда он обещал «наказать» Мию в случае оплошности.

Она без приключений добралась до комнаты. Запалила маленькую масляную лампу на низеньком столике. Поминутно прислушиваясь, отобрала все, что нужно для спасения

раненого: бинты, едкий сок жгучевицы, молотую кровохлебку, травяные сборы для лечения лихорадки, заживляющие мази на целебном медвежьем жире.

Потом, когда она станет гейшей, она вернет все, что взяла, и много больше.

Обратно Мия кралась с еще большей опаской, ощущая себя презренной воровкой. Звук, донесшийся из танцевального зала, чуть не заставил ее выронить узелок с лекарствами.

Внутри кто-то был. Рисовая бумага на двери чуть светилась, как бывает, когда горит факел.

Проклиная себя за любопытство, Мия приникла к щели меж дверью и стеной...

Акио Такухати стоял в центре зала – полуобнаженный, подняв над головой катану. Колеблющиеся блики огня рисовали узор на его смуглом теле, гладили стальные мышцы. Собранные в высокий хвост на затылке волосы чуть разметались по широким плечам.

Стремительный, почти незаметный для человеческого глаза рывок, короткая песнь меча в воздухе, шелест входящего в ножны лезвия. И снова пауза.

Против воли Мия залюбовалась. Такухати в этот миг был красив не внешней красотой. Он был прекрасен, как Такэмикадзэти-но О-ками – бог войны, воплощение идеи и духа меча.

Нужно было бежать, пока ее не обнаружили. В горах Мию ждали друг-оборотень и безымянный раненый, но она медлила, зачарованная мастерством и красотой движений самурая.

Снова напряглись четко прорисованные мышцы на спине, снова почти неуловимое глазу движение и шелест лезвия о ножны.

Акио повернулся. Сейчас его красивое лицо не портила гримаса самодовольного превосходства, оно было одухотворенным и даже счастливым, и Мия вдруг почувствовала стыд. словно подглядывала за чем-то интимным, не предназначенным для чужих глаз.

Она отпрянула от щели и осторожно попятилась. Половица под ногой предательски скрипнула.

– Кто здесь? – раздался из-за двери резкий окрик директора.

Проклиная мысленно свое любопытство, Мия в два неслышных прыжка оказалась за ближайшей ширмой. В этом хозяйственном закутке хранились татами, ведра и веники из пальмовых листьев. Юркой змейкой Мия заползла под гору циновок, моля божественную Амагэрасу, чтобы директор ее здесь не заметил.

Дверь в зал отъехала в сторону, и на пол лег бледный прямоугольник света. Черный мужской силуэт с мечом в руках выделялся на нем, словно фигурка в театре теней.

Мия лежала под циновками, скорчившись и закусив губу, и слушала приближающиеся шаги. Все ближе, ближе...

От пыли на циновках засвербело в носу. Стук сердца отдавался в ушах.

– Показалось, – разочарованно буркнул Такухати над головой. Меч с шелестом вошел в ножны.

Он ушел, а Мия еще долго не могла успокоиться и уговорить себя вылезти.

Джин плыл в кипящем озере. Вода бурлила, обваривала кожу, и та покрывалась уродливыми белыми пузырями.

Волны озера окрасились красным, и Джин понял: это не вода, но кровь. Несущая огонь кровь поколений предков рода Хо-Ланг-И Аль Самхан. Кровь сменилась раскаленной лавой, и он увидел, что тонет в жерле вулкана...

...совсем как тогда, на обряде, когда он призвал, но не смог укротить демона.

Прохладные тонкие пальцы легли на лоб, помогая вынырнуть из полного огня и боли озера.

– Потерпи, – произнес нежный, как перезвон колокольчиков на ветру, голос. – Сейчас будет больно.

Джин хотел сказать, что и так больно, куда уж больнее, но вместо этого застонал. Левое плечо жгло огнем не только снаружи, но и внутри. Словно туда забралась огромная ядовитая многоножка и теперь копошилась, выгрызая себе логово.

– Ты неправильно делаешь, Мия-сан. – Второй голос был куда менее приятным – хрипловатый, ворчливый и явственно мужской. – Это стрела с зазубринами, ее не выдернешь так просто, надо вырезать.

Влажная губка прошлась по лбу Джина.

– Потерпи, пожалуйста, – снова попросил нежный голос, и Джин подумал, что готов терпеть столько, сколько потребуется. Лишь бы она не уходила. Лишь бы снова положила ему на лоб прохладные пальцы – ее присутствие так верно отгоняет кошмары...

Боль резкая, потом облегчение от того, что ядовитая многоножка все же покинула его тело. Блаженство от прикосновений холодной влажной ткани...

– Не надо, Дайхиро. Я зашью.

– Точно справишься, Мия-сан?

– Точно.

Осторожные и нежные касания – тонкие пальчики втирают целебную мазь.

Он с трудом разлепил свинцовые веки, но не увидел ничего, кроме охапки пальмовых листьев. Их запах мешался с запахами лекарственных трав и вонючим дымом от костра.

Повернув голову – это почти невозможное усилие чуть не отправило его снова в беспамятство навстречу кипящему озеру, – он увидел ее.

Она была ослепительна. Словно сама богиня Аматаэрасу спустилась на землю, чтобы сесть рядом с Джином и исцелить его раны.

Губы Джина дрогнули, произнося одно короткое слово.

Она улыбнулась нежно, чуть смущенно:

– Спи.

И он послушался, погрузившись во тьму, где не было ни боли, ни огня.

Глава 4

Поцелуй

Мия зевнула. После ночного бдения над раненым глаза закрывались сами собой. Вернуться бы сейчас в домик, расстелить futon да поспать пару часов. Но нельзя. Нужно идти на занятия, а потом бежать в горы. Дайхиро тяжело будет управиться с раненым в одиночку.

Она вздохнула, вспомнив нечеловеческую колдовскую зелень, глянувшую на нее из глаз незнакомца. И еле слышный шепот «красивая» – не почудилось ли ей?

Маг, а значит, отпрыск знатного рода. Что он делает здесь, так далеко от столицы, на юге?

За стенами раздались голоса, ученицы просыпались, прихорашивались и выглядывали во двор. Вот-вот должен зазвонить утренний гонг, призывая всех к завтраку, а значит, не стоит медлить.

Она развязала пояс кимоно, оставила одежду на лавке и прошла в помещение купальни. В банные дни здесь былолюдно и шумно, над очагом кипел большой котел с горячей водой, в воздухе клубился пар, лилась вода и слышался женский смех. Сейчас баня пустовала.

Ежась от холода, она прошла к бочке, зачерпнула воду ковшиком. Та была прохладной, но все же не ледяной, как вода в купели у заброшенного храма.

Терпимо. Хватит, чтобы смыть с себя эту ночь и взбодриться.

Вытираясь на ходу куском ткани, Мия вернулась в предбанник и остолбенела.

Кимоно не было там, где она его оставила.

Она заозиралась. Обошла предбанник, заглянула под каждую лавку, хоть и без того прекрасно видела – кимоно под ними не было. Ни кимоно, ни нижней рубахи.

Сон слетел мгновенно. В надежде, что это всего лишь ее ошибка, следствие бессонной ночи, Мия вернулась в купальню, но там одежды тоже не было.

Все, что у нее оставалось, – кусок влажной ткани, которым Мия вытиралась после омовения. Его едва хватало, чтобы обернуть дважды вокруг тела. Показываться в таком виде во дворе, на глазах у наставниц и прочих учениц, было немыслимо.

Зябко ежась, Мия обняла себя за плечи и опустилась на лавку. Ничего, не страшно. Сейчас запоет гонг, и двор опустеет. Тогда она сможет добежать до домика и переодеться. Мелкая неприятность, не более.

От холода стало совсем неважно, и она запрыгала по комнате, пытаясь согреться. Хотелось верить, что неизвестный шутник, укравший кимоно Мии, не подсматривает сейчас за ней, покатываясь от хохота.

Прозвенел гонг. Выждав, пока двор окончательно опустеет, Мия завернулась во влажное полотно и юркнула наружу.

И не успела пробежать и пяти шагов, как налетела на Акио Такухати.

– Лучшая ученица! – Он с готовностью обнял свою добычу и ухмыльнулся. – Этот наряд нарушает традиции школы.

Кровь прилила к щекам. Под плотоядным взглядом Такухати Мия словно со стороны увидела: непристойно обнаженные плечи, руки, ноги. И влажное полотно облепляет тело, подчеркивая все изгибы и выпуклости.

– Да, господин Такухати. Простите, – пробормотала Мия, вынырнула из кольца его рук и

попробовала обогнуть директора, но он каким-то неведомым путем снова оказался у нее на пути.

– Я не отпускал тебя. Где твоя одежда?

– Не знаю. Разрешите мне дойти до дома и одеться, – взмолилась она.

Стоять на открытом всем взглядам дворе в таком виде было невыносимо.

Он нахмурился и развязал пояс своего кимоно. Мия шарахнулась в сторону.

– Подойди! – Тон, которым был отдан приказ, заставил вспомнить слухи о военном прошлом Такухати. Мия опасно шагнула вперед, и на плечи ей опустилась плотная ткань.

Сразу стало тепло, даже жарко. Не только от одежды. Мия вдохнула еле заметный терпкий запах, исходивший от кимоно. Оно пахло мускусом и здоровым сильным мужским телом. Против воли перед глазами встала подсмотренная вчера в зале картина.

– Пойдем, – все таким же не терпящим возражений голосом приказал Такухати. – И рассказывай, что случилось.

За минуту директор вытянул из нее все подробности происшествия.

Кимоно и нижняя рубашка Мии лежали на полу у входа в домик грязной тряпкой. Судя по внешнему виду, ими вымыли полы.

– Виновные будут наказаны.

Ярость в его голосе удивила Мию. Она покачала головой:

– Никто не сознается, господин Такухати. Майко скажут, что я сама, должно быть, испачкала свою одежду. И никто ничего не видел.

Она помнила, как это было шесть лет назад, пока директор Итико не положила конец травле. Но в способность Такухати прекратить женские дразги Мия не верила. Да и станет ли генерал разбираться в мелких обидах воспитанниц?

– Спасибо за помощь. Разрешите мне одеться? Я бы хотела успеть на завтрак.

Он кивнул:

– Одевайся. И пойдем в столовую. Я не оставлю это просто так.

– Что вы собираетесь делать?

Злая ухмылка искривила его губы.

– Пусть выбирают. Или виновные сознаются, или я накажу всех. Пять ударов по пяткам для начала.

– О нет! – Она представила эту картину и пришла в ужас.

Телесные наказания применялись в школе только за самые серьезные преступления. Воспитанниц не секли прутьями, чтобы не портить нежную кожу. Вместо этого практиковались удары бамбуковыми палками по пяткам. Мию наказывали лишь однажды, в детстве. Всего два удара, но она до сих пор помнила, как нестерпимо больно это было. Не только в момент наказания, но и после, когда каждый шаг напоминал о перенесенной экзекуции.

Если по вине Мии все девочки вынуждены будут пройти через такое, ее возненавидит вся школа. Мелкие пакости от Кумико покажутся невинными шутками. Ей будут плевать в еду, награждать тычками, ставить подножки, пачкать одежду, проливать тушь на задания по каллиграфии...

– Пожалуйста, не делайте этого!

– Я не потерплю подобного в моей школе. Одевайся!

Мия покачала головой:

– Пожалуйста, господин Такухати!

Неужели он не понимает, на что обречет ее это решение? Или это часть его плана – довести Мию до отчаяния, отдалить от всех прочих учениц? Чтобы она только в нем видела защиту и опору?

– Ты боишься, что будет хуже? – неожиданно мягко спросил директор. – Не волнуйся. Как только я объявлю о наказании, найдется кто-нибудь глазастый и не желающий страдать за чужие преступления. Вот увидишь, сразу после завтрака я буду знать все в подробностях. Кто крал, кто помогал, кто просто проходил мимо.

Возможно, он был прав, но Мия не желала привлекать к себе подобного внимания. Только славы любимицы директора ей не хватало.

Она склонилась в глубоком ритуальном поклоне:

– Я прошу вас, господин Такухати. Сделайте вид, что ничего не знаете об этом происшествии.

Он мотнул головой, словно собираясь отказать. Но окинул взглядом девушку, все так же кутавшуюся в короткий кусок ткани, и издевательски ухмыльнулся:

– Сделаю, если ты попросишь о поцелуе, лучшая ученица.

– Что? – Она растерялась. – Но вы же обещали...

– Я обещал не приставать к тебе, пока сама не попросишь.

Мия сглотнула, ощущая унижительную беспомощность и странное возбуждение. Она стояла почти обнаженной перед мужчиной, который видел в ней всего лишь игрушку для удовлетворения собственной похоти и даже не пытался скрыть это. Но что-то в глубине ее души сладко замирало от понимания, что она желанна для этого опасного человека.

– Ну? – Он склонился к ее уху и прошептал, обдав горячим дыханием: – Всего один поцелуй, лучшая ученица. Я остановлюсь, если ты не захочешь большего.

– Хорошо, – решила она.

Один поцелуй. Здесь. Пока никто не видит.

Синева его глаз могла поспорить с синевой летних небес. Запах грозы и мускуса, губы почти коснулись ее губ и прошептали:

– Попроси.

– Поцелуйте меня, – выдавила Мия.

И зажмурилась.

Он обнял ее, положил одну руку на худенькие лопатки, а вторую – на ягодицы, заставляя тесно прижаться к себе. И накрыл ее губы своими – по-хозяйски, уверенно и властно.

До этого мига Мия знала лишь иллюзорные поцелуи фантомов-генсо. Миражи творил школьный маг, в них будущие гейши постигали науку любви на практике. И технику поцелуя Мия освоила еще два года назад на самых первых уроках.

Но иллюзорные мужчины бесплотны. От них не пахнет так одуряюще мускусом и грозой, и чем-то очень мужским, от чего кружится голова и путаются мысли. У них нет таких жестких рук, вжимающих Мию в чужое сильное тело. И они не целуют так неторопливо, словно смакуя вкус ее губ, в их объятиях не хочется обмякнуть покорным трофеем в руках победителя.

От иллюзий в памяти не оставалось звуков, запахов, прикосновений. Ничего, кроме чистого знания.

По сравнению с поцелуем Такухати генсо были как скверный рисунок начинающего живописца рядом с настоящим пейзажем: горы, сосны и небо.

Он чуть надавил языком, заставляя Мию разомкнуть губы, и по-хозяйски вторгся в ее

рот, пробуя на вкус, изучая. И она ответила, почти против воли ответила. Так, как учили в генсо: раскрываясь, лаская, принимая его.

Жесткая рука сжалась на ягодице. Жадно, почти до боли, и это привело Мию в чувство.

– Хватит! – Она отпрянула, тщетно пытаясь вырваться из стальных объятий. – Я не хочу больше!

– Хорошо. – Он с неохотой разомкнул руки. Синее магическое пламя в глазах медленно гасло. – Я держу слово.

Она бессильно опустила руки и отступила, тяжело дыша. Позабытая ткань предательски скользнула на пол, открывая девичью наготу.

Такухати хрипло выдохнул и качнулся вперед, пожирая ее взглядом. Неумелая попытка прикрыться руками ничуть его не смутила. Заглядывавшее в окно солнце позолотило бледную кожу, заставив ее светиться мягким перламутровым светом. Вскинутые руки словно совсем не являлись преградой для жадного взгляда мужчины. Мия чувствовала этот взгляд, как ощущают прикосновения. Он скользил сверху вниз – высокая грудь, тонкая талия, пленительная линия бедер, сведенные вместе округлые колени...

– Прекратите так смотреть.

– Ни за что.

Мия гневно фыркнула, сдернула с головы повязанный для купания платок, и волосы черным водопадом ринулись вниз, охраняя ее стыдливость.

Повисла напряженная тишина.

– Ми-и-ия, – произнес он нараспев, словно пробовал ее имя на вкус. Так же, как до того пробовал губы. – Знаешь, о чем я думаю, когда вижу эти волосы распущенными, Мия?

– Уйдите. Пожалуйста. Я благодарна вам за помощь, но сейчас мне нужно одеться и подготовиться к занятиям.

Он еще мгновение помедлил, словно хотел что-то сказать, но потом резко развернулся и вышел.

Мия без сил рухнула на циновку.

– Молчишь? – Человек с глазами мертвой рыбы ухватил Джина за волосы и поднес к его лицу сияющее малиновым жаром острие нагретой иглы. – Быть может, мне стоит воткнуть это тебе в глаз? Или еще куда-нибудь? – Игла переместилась к низу живота, нацелившись в пах.

Джин улыбнулся разбитыми губами.

– Не стоит этого делать, – мягко сказал он. – После подобного увечья у тебя не будет резонов отпускать меня живым, ведь я вылечусь и отомщу. А у меня не будет надежды выжить, поэтому я точно ничего не скажу.

Дипломатия не так уж сильно отличается от боя. И там и там, чтобы одолеть противника, нужно мыслить как он, понять его, стать им...

Джин чувствовал страх и растерянность человека с рыбьими глазами, его нежелание докладывать сёгуну о произошедшем. Одно дело – просто признаться, что проморгали лазутчика, и совсем другое – предоставить сломленного и готового говорить шпиона.

Понимал, но не сочувствовал. Сочувствию мешали боль в избитом теле и окровавленных пальцах и желание вогнать эту иглу рыбоглазому в шею.

Очень затруднительно быть милым, когда висишь обнаженным, распятым на цепях и тебе только что вырвали второй ноготь. Очень сложно не перейти к угрозам, а вслед за ними

к мольбам. Джин держался из последних сил.

Рыбоглазый убрал иглу. Джин почувствовал, как щипцы захватывают ноготь на указательном пальце, и приготовился к боли. Перед глазами разворачивался огненный, в черных прожилках вихрь.

– Что ты сделал со святыней, собачий сын? – свистящим шепотом спросил человек с глазами мертвой рыбы.

– Я не помню, – выдохнул Джин, балансируя на краю кипящего безумия.

– Придется освежить твою память.

Жутковатый хруст, боль, хлестнувшая по нервам, крик, который невозможно и не нужно сдерживать.

Падение в бездну, полную рыжего огня, было коротким и нестрашным.

– Он приходил в себя?

Тануки отрицательно покачал головой:

– Спит как мертвый. Я уже и на охоту успел сходить. – Оборотень с гордостью продемонстрировал Мие десяток освеженных тушек крыс, насаженных на палочку. – Будешь?

– Я поужинала.

Она опустилась на охапку сухих пальмовых листьев. Незнакомец лежал рядом. Прошлой ночью при свете костра он показался ей старше. Сейчас, когда косые лучи солнца заливали храм сквозь окна и прорехи в крыше, Мия смогла его как следует разглядеть.

Не больше двадцати пяти – двадцати семи лет, трудно сказать точнее, слишком измучен лишениями и болезнью. Необычное лицо. Тонкий нос с горбинкой, резкие скулы, высокий лоб. Красиво очерченные губы и мужественный подбородок. Когда Мия смыла с него кровь, стало видно – незнакомец очень красив, несмотря на немного чуждые черты.

Грязные, криво и коротко остриженные волосы мужчины в свете солнца чуть отливали рыжим.

Его тело все еще было горячим, как нагретые в очаге камни, а на щеках цвел лихорадочный румянец, но что-то во внешнем виде раненого подсказывало: кризис миновал. Он будет жить.

– Ты менял повязки?

– Когда бы я успел, Мия-сан? – вознегодовал тануки. – У меня и без того куча дел!

– Каких дел?

– Ну как же, – начал загибать пальчики оборотень, – за дровами сходить. За водой. Поесть. Поспать опять же. Ты меня всю ночь гоняла.

Мия фыркнула и потянулась срезать бинты. Но стоило ей склониться с ножом в руке над раненым, как глаза мужчины распахнулись. Он перехватил ее за запястье и дернул на себя, больно выворачивая руку и вынуждая разжать пальцы. Танто выпал и покатился по половицам, Мия жалобно вскрикнула.

Ее обдало запахами болезни, пота и лекарственных трав. Сияющие слепящей изумрудной зеленью глаза оказались прямо напротив ее глаз. Мия завозилась, пытаясь вырваться, но он, несмотря на раны и лихорадку, был силен.

– Кто ты, ёкаи тебя побери? – резко выдохнул мужчина.

И тут же застонал от боли. Внешне неповоротливый тануки в одно мгновение отшвырнул насаженных на палочку крыс, подскочил к нему и ловко пнул по раненому плечу.

– А ну отпусти ее, отродье скорпиона и мокрицы, – потребовал оборотень, приставив к горлу раненого нож, куда больше похожий на здоровенный тесак.

Мужчина выдохнул и разжал руки. Мия отпрянула от него, растирая запястье.

– Вот! – провозгласил тануки и еще раз пнул раненого, вызвав новый стон. – Вот она – человеческая неблагодарность. Ты его подобрала, выходила, а он при первой же возможности на тебя набрасывается с целями несправедливыми. У-у-у, бандитская рожа! – С этими словами он собрался еще раз пнуть мужчину, но тот в последний момент ловко увернулся, перекатился и подобрал танто.

Перехватив нож жестом опытного воина, он приподнялся в низкой боевой стойке, вытянув искаленную ногу, и взглянул на оборотня исподлобья, через падающие на глаза спутанные пряди волос.

– Прекратите! – Мия вскочила, готовая при необходимости броситься разнимать мужчин. – Пожалуйста, – обратилась она к раненому, – не дергайся. У тебя снова рана открылась.

Это было правдой. Повязка медленно пропитывалась кровью.

– А ты, Дайхиро, прекращай воевать.

– Кто вы? – повторил мужчина. Присмотрелся к оборотню, и глаза его изумленно расширились. – Ёкай!

– Сам ты ёкай, – обиделся тануки. – И дурак к тому же. Мия-сан над тобой ночь не спала – лечила, зашивала, а ты ей руки крутишь. Правильно я сказал – надо было выбросить тебя сразу.

– Мы не враги, – тихо добавила Мия.

Лицо незнакомца прояснилось, словно он что-то вспомнил. Он уставился на Мию с таким видом, будто она на его глазах обернулась белым журавлем и вот-вот улетит.

– Ты?! – потрясенно выдохнул мужчина.

– Меня зовут Мия.

Глава 5

Самханский тигр

Перевязку и обработку раны он перенес без звука, несмотря на то, что разошедшийся шов пришлось накладывать заново. Только хмыкнул, когда Мия посетовала, что татуировка не будет прежней – края порванной кожи не получалось соединить ровно, сколько она ни старалась.

– Ты видишь тигра?

– Да, – она помедлила, – его трудно не заметить.

– А, ну да, – он засмеялся вполне искренне, – будет кривой на один глаз.

– Лежи смирно, – попросила Мия, втирая мазь тигру в морду. Выбитый на спине зверь и впрямь словно окривел на один глаз, приобрел вид разбойничий и вдвойне опасный.

Он послушно прекратил смеяться. Но болтать не прекратил:

– Ми-я. Красивое имя. Что оно означает?

– «Тихая, как храм». А на древнем хакинабу – «строптивая, непокорная».

– В тихом храме водятся ёкаи. – Мужчина покосился на тануки, который все еще дулся в углу, распушив усы и хвост.

– А твое имя?

– Джин.

– Просто Джин?

– Джин Хо.

«Хо» означало «тигр» на самханском.

– У тебя поэтому тигр на спине?

– И поэтому тоже.

Мия нахмурилась. Необычные черты лица, волосы, отливающие рыжим, теперь еще и имя...

– Ты не с Благословенных островов?

– Я – самханец.

– Встань, пожалуйста.

Мужчина послушно приподнялся, помогая ей наложить повязку. Закатное солнце поцеловало его в плечо, подчеркнув красивый рельеф мышц под гладкой, бронзовой от загара кожей.

В отличие от того же Акио Такухати, Джин не подавлял. В нем не было высокомерия и гнетущей властности директора. Но все же самханец сумел за считанные мгновения перехватить лидерство. Он забрал его у Мии так спокойно, с таким пониманием своего права распоряжаться и уверенностью в себе, что она и не подумала сопротивляться.

– Итак, я обязан тебе... вам, – поправился он, снова покосившись на недовольно заворчавшего тануки, – жизнью. Я должен сказать спасибо.

– Сказал уже, – не удержался оборотень. – Хороша благодарность, чтобы тебя в аду за нее демоны за пятки покусали.

– И извиниться, – невозмутимо кивнул мужчина в ответ на отповедь. – Простите меня, Мия-сан и уважаемый Дайхиро. В моем бреде рядом не было друзей. Только враги.

Улыбка красила его и без того привлекательное лицо. В глубине зеленых глаз блеснули золотистые искры, и Мия отчего-то смутилась и опустила взгляд.

Он нежно взял девушку за запястье, поцеловал красные следы, оставленные его пальцами.

Тануки возмущенно зашипел:

– Вместо того чтобы руки распускать, лучше бы полечил девочку, вояка хренов.

– Не могу.

– Ври больше, – распушил усы тануки. – Кого ты надеешься обмануть с такими глазками?

– Ты прав, я – маг. Но не могу пользоваться своей силой.

– Почему? – спросила Мия, забирая у него руку. Он не стал удерживать.

– Я проклят, – просто ответил мужчина.

– Вот эти подойдут. – Он отобрал пару бамбуковых палок из запаса дров.

Мия зевнула. Глаза неудержимо слипались. Ей нужно было возвращаться, но так не хотелось покидать храм сейчас, когда горит костер и желтые тени пляшут в пыльных углах.

– Помочь?

– Не откажусь, – отозвался мужчина, сосредоточенно ощупывая сломанную ногу. – Подержи шину, пока буду бинтовать.

Лодыжка выглядела плохо, отекая и распухая. Под кожей вокруг перелома разливалась болезненная краснота.

Мия села рядом, перехватила бамбуковые палки. Руки Джина мелькали над ними. Сноровка, с какой он фиксировал шину, свидетельствовала, что мужчина делает это отнюдь не в первый раз.

Надо было расспросить раненого, кто он и как сюда попал, но мысли разбегались. И слишком хотелось спать.

Бинтов не хватило, поэтому Джин, не раздумывая и не советуясь ни с кем из присутствующих, одним махом отхватил подол у своего кимоно, превратив его в пародию на куртку-хаори.

Тануки схватился за голову:

– Дурак, ой дурак! Зачем хорошую вещь испортил? Спросил бы сперва у мудрого Дайхиро, где достать старые тряпки. Но нет, ты же у нас быстрый, Джин Хо. Чуть что – сразу ножиком махать.

Вместо того чтобы оскорбиться на пренебрежительный тон или возмутиться, что благородный танто назвали простым ножиком, Джин сверкнул улыбкой.

– Точно дурак, – весело согласился он. – Не хотел затруднять уважаемого Дайхиро. Думаю, я и так доставил вам достаточно неприятностей.

– И не говори, – проворчал оборотень, все еще дувшийся на нового знакомого за «ёкая», а пуще того за нападение на Мию. – Одни проблемы от тебя...

– Долго будет заживать? – спросила Мия, бросив в сторону тануки укоризненный взгляд.

– Долго, – вздохнул мужчина. – Недели три-четыре.

Обычному человеку с таким переломом пришлось бы ждать не меньше трех месяцев, но Джин был магом. Высокорожденным, из древнего клана – не мерцавшие, но сиявшие колдовским светом глаза не давали возможности ошибиться.

Все знают, что благословленные Аматаэрасу отпрыски знатных фамилий не только способны повелевать стихиями, но и выздоравливают куда быстрее простых людей, чьи глаза не отмечены магическим пламенем. А еще их не берут болезни, и, говорят, даже если

отрубить им какую-то часть тела, они способны отрастить ее заново...

Джин затянул последний узел, полюбовался на свою работу.

– На мне всегда все долго заживает, – признался он. – Помню, в детстве мы с братом как-то забрались на склад с фейерверками. Отец любил устраивать их по праздникам. Забрались и выкрали один, чтобы запалить самовольно. Мелкие были, глупые, но шепутные. Как все мальчишки... – Он замолчал.

– И что случилось?

– Подождли. Полыхнуло так, что я потом три месяца не видел ничего, кроме этой вспышки. – Он вздохнул и одернул на место хакама, скрывая забинтованную ногу. – Думал, так и останусь на всю жизнь слепым. А мой брат различал контуры предметов уже через две недели.

Мия снова зевнула. Как же хочется спать! Веки налились свинцовой тяжестью – не поднять. Голова все клонится и клонится вниз...

Потрескивали дрова. От костра и от мужского тела рядом шло тепло, а за стенами сырая зимняя тьма. И встать совсем нет сил...

– Это из-за проклятия? – спросила она сонным голосом.

Он кивнул.

– Тебя проклинали в детстве?

– Еще до рождения. – Он приобнял девушку за плечи, вынуждая положить голову к нему на плечо, и Мия почему-то не стала протестовать. С ним было уютно. И не страшно.

– В детстве я постоянно болел, простужался или ломал себе чего-нибудь, но все равно лез куда нельзя. Как с тем фейерверком...

– Тебя обижали? – тихо спросила Мия.

Дети жестоки. Если его братья владели своими силами, Джин вряд ли избежал участи изгоя и мишени для издевок.

– Пытались, – рассмеялся он весело, словно воспоминание об этом его искренне забавляло. – Но я научился быстро бегать, прятаться и не доводить дело до драки. А если уж дошло, сразу бить так, чтобы противник не встал.

Его голос отдалялся, и стены заброшенного храма чуть плыли перед глазами. Так спокойно, тепло и сонно... Мия закрыла глаза, доверчиво уткнулась в подставленное плечо.

– В чем-то я даже благодарен проклятию. Мои братья и другие высокородные зависят от своего дара. Все, что я знаю и умею, я выучил сам, и этого не отобрать. Если на меня надеть блокаторы, я не стану беспомощным, как другие маги... Мия, ты спишь?

Ответом на его слова был чуть слышный звук дыхания.

Джин поймал взгляд тануки и покачал головой, шепнув одними губами: «Не буди». И опустил девушку на охапку пальмовых листьев, послужившую ему ложем прошлой ночью.

Она пробормотала что-то обиженно и неразборчиво, а когда он лег рядом, защищая ее от тянущего снаружи холодного ветра, снова положила голову на плечо и обняла его за шею. Джин улыбнулся, стер еле заметное пятнышко грязи с ее щеки, вытянулся на листьях и заснул, проигнорировав неодобрительный взгляд оборотня.

«Ой, не к добру все это». – Дайхиро сморщил нос. Разбудить бы молодого нахала да надавать оплеух. А Мию отправить в школу – заметят ведь, что ее нет, обязательно заметят.

Он вспомнил, какой измученный был вид у девушки, и еще раз сердито покачал головой. Совсем не бережет себя, глупая.

Дайхиро еще раз смерил подозрительным взглядом подобранного Мией незнакомца.

Вроде и не врет, чутье на ложь у оборотня было отменным. Не врет, но недоговаривает. А ну как начнет ночью руки распускать?

Но девочке надо выспаться.

Тануки подбросил в костер дровишек, кряхтя поднялся, махнул лапой, закрутился на одном месте, словно веретено, все ускоряясь и ускоряясь. Развевались по воздуху монашеские одежды, мелькали так быстро, что сливались в единое серое пятно, и уже не различить, кто там. Тануки? Человек?

Движения чуть замедлились, серое пятно превратилось в хрупкую девушку в простом темно-синем кимоно. Густые длинные волосы уложены в традиционную для майко прическу, большие глаза смотрят на мир доверчиво и любопытно. Девушка хихикнула и выскочила во двор.

Когда она проходила мимо купели с водой, надкушенная луна выглянула из-за тучи полюбоваться на это диво. В темной глади вод отразился толстенький монах. Девушка погрозила луне кулаком, и монах в купели, приподняв мохнатую лапку, повторил за ней этот жест. Ночное светило мигнуло и вновь спряталось, словно устрашилось.

– Ну, Мия, должок за тобой будет, – пробурчала девушка себе под нос ворчливым мужским голосом и начала спускаться по горной тропинке.

В маленьком домике, где жили восемь старших учениц, было темно и тихо. Свернувшись под шерстяными одеялами, посапывали во сне майко. Четыре бледных полосы лунного света пробивались сквозь щели в ставнях.

Одна из учениц открыла глаза. Повела носом, принюхиваясь, неслышно встала и прокралась к двери. Двор встретил ее особой зимней тишиной и промозглым ветром, от которого девушка поежилась. В лунных лучах одежда на ней зашевелилась, из коротенькой сорочки превращаясь в темно-синее кимоно.

Все так же крадучись, перебегая из тени в тень, она подобралась к забору, когда за спиной девушки раздался насмешливый мужской голос:

– Что, не спится, лучшая ученица?

Девушка подпрыгнула на месте, смешно по-звериному пискнула и обернулась к мужчине.

– Нарушаешь правила. – Строгость его слов смягчал покровительственный и даже заботливый тон. – А ведь я обещал наказать тебя за подобное, помнишь?

– Нет, – тенором буркнула девушка и попятилась.

Глаза мужчины сузились:

– Что у тебя с голосом, лучшая ученица?

Девушка что-то промычала и попыталась улизнуть, но мужчина был быстрее. В одно мгновение она оказалась зажата в углу. Он нависал над ней, рассматривая свою добычу со снисходительной усмешкой.

– Так что ты делаешь во дворе ночью, Мия? – Мужчина чуть наклонился, принюхался, и его глаза изумленно расширились. – Чем от тебя пахнет?

Его огромные ладони играючи удерживали тонкие запястья девушки. Он с улыбкой смотрел, как она дергается, безуспешно пытаясь вырваться из захвата. Но развлечение не было долгим.

– Пусти меня, бестолочь. Что же ты не спишь-то, когда все нормальные люди давно дрыхнут, похотливый козел, чтоб у тебя отросток отсох и отвалился! – неестественным

фальцетом, переходящим в приятный мужской тенор, выдала несчастная жертва. – А не отсохнет сам, так я помогу. Клянусь Буддой, прямо сейчас и оторву, если не отпустишь немедленно!

И прежде чем изумленный мужчина нашелся что ответить, ловко вывернулась из объятий, упала на четвереньки и скрылась в тенях, махнув на прощанье полосатым хвостом.

Акио Такухати покачал головой вслед убегающему тануки и неслышно рассмеялся. Несмотря на глупую роль, которую ему довелось сыграть, ситуация показалась опальному генералу донельзя забавной.

Он слишком много времени провел в армии. Забыл о повадках ёкаев. А здесь – глушь, горы. Самое место для нечисти.

Акио вынул из ножен танто и уколол палец. Капля крови упала на землю, та полыхнула синим. Синим же на мгновение вспыхнули стены.

Защиту маг поставил на школу еще вечером первого дня. Не потому, что реально чего-то опасался, по привычке.

Теперь тануки не сможет покинуть школу. А утром Акио соберет всех воспитанниц и наставниц, прочешет каждое здание и найдет его.

Такухати ничего не имел против оборотней. Но тануки известны своим похотливым нравом. Такой твари нечего делать среди женщин, за которых он, Акио, отвечает.

Мысль о том, что оборотня привечает кто-то из девочек, заставила директора выругаться. Счастье тануки, если его любовница – одна из наставниц. Единственным существом, за которым Такухати признавал право тискать учениц, был он сам.

– Шкуру сдеру, – негромко пообещал Акио. И отправился в зал для ежевечерней тренировки.

Госпожа Оикава уже два часа как ворочалась на футоне, тщетно пытаясь заснуть. Истомившееся по ласке тело требовало любви, а неутомонная фантазия рисовала картины из бурного прошлого гейши.

Увы, век жрицы любви краток. А ведь она не так уж стара, всего сорок пять. И до сих пор хороша собой. Но разве способны утонченность и опыт конкурировать на равных со свежестью и невинностью?

Новые личики появлялись в «квартале ив и цветов» ежегодно. Еще вчера ты блистала, лучшая из лучших, а сегодня о тебе никто не помнит, и мужчины не присылают больше приглашений с просьбой украсить их вечер изысканной беседой и танцами.

А снизить цену или принимать приглашения богатых купцов не позволит гильдия. Гейша не проститутка, она не может стоять дешево или быть доступной для каждого.

Она снова повернулась на жестком футоне и чуть не заплакала от разочарования. Ох, как же хочется любви! Это все новый директор, будь он неладен. Гейша закрыла глаза, представляя себе Акио Такухати. Широкие плечи, мощный торс, узкая талия и пронзительная синева глаз высокородного самурая. Как сладко стонать под таким мужчиной! Сожмет в объятиях, все косточки заноят...

Скрипнули половицы, и госпожа Оикава поняла, что она больше не одна в комнате.

– Кто здесь? – Гейша села и нащупала фонарь.

– Ой, ну вот только этого не надо, – раздраженно откликнулся из темноты мужской голос. – Что за привычка – чуть что, жечь масло, как будто ему нельзя найти другого применения.

– Вы кто? – Голос был незнакомым. Ворчливым и забавным. И перед мысленным взором госпожи Оикавы отчего-то возник толстенький монах в сером одеянии. – Я сейчас закричу, – предупредила госпожа Оикава, совершенно не испытывая желания выполнять угрозу.

– Не надо, – попросил незнакомец и опустился рядом на фuton. – Я же так, мимо пробежал только. Увидел, какая красавица томится одна, и подумал – дай зайду. Прогонит так прогонит. – Шаловливая рука опустилась на талию госпожи Оикавы, притянула гейшу поближе к горячему мужскому телу.

– Здесь школа, сюда нельзя мужчинам.

– Да я и не мужчина, – хихикнул скрытый тьмой незнакомец, усаживая ее к себе на колени. Уткнувшись в попку госпожи Оикавы возбужденная плоть живо оспорила это утверждение. – Так, сон хороший. Ты спи, красавица, я тебе приятное присню.

– А, ну если сон, тогда можно, – согласилась гейша.

Она чуть откинулась назад, позволяя сильным рукам стиснуть ее грудь, вдохнула острый и странный запах незнакомца и застонала.

– Знаешь, о чем я думаю, когда вижу эти волосы распущенными, Мия?

Она не смогла ответить, притиснутая к стене горячим мужским телом. Он просунул свое колено меж ее сжатых ног, язык по-хозяйски вторгся в ее рот. Жесткие, в мозолях от катаны руки смяли ягодицы, залезли под сорочку, уверенно и властно, погладили живот, накрыли грудь. Мия чуть выгнулась и всхлипнула от возбуждения, а Такухати рассмеялся:

– Ты ведь хочешь меня, лучшая ученица.

– Нет!

– Хочешь, маленькая лгунья.

– Не хочу! – Она замотала головой, вырываясь из кольца горячих рук. – Пустите!

Образ мужчины смазался, оплыл, как свеча. Объятия стали нежнее – уже не хватка хищника, но поддержка и опора. Глаза налились зеленью, волосы укоротились и полыхнули рыжим пламенем. Теперь он не тискал и не сжимал ее с грубой силой, но гладил сквозь тонкую ткань сорочки. Шаловливые пальцы выписывали круги и спирали на нежной коже.

И поцелуй был тягучим и сладким, как мед диких пчел.

– Мия! – восхищенно выдохнул Джин. – Мия, Мия, просыпайся же ты, глупая девчонка! Просыпайся немедленно!

– А? – Она открыла глаза и вскочила, вся еще во власти непристойного сна. Щеки полыхали, поднять взгляд на стоявшего рядом Дайхиро было стыдно.

А на Джина, который сидел рядом, обнимая Мию за плечи, и того стыднее в сотни раз.

Придавленная смущением к полу, Мия уставилась на костер. За ночь тот почти прогорел, но угли все еще грели, защищали от промозглых утренних туманов. Сквозь дыры в крыше синело предрассветное небо.

Приснится же такое. Боги, как неловко-то... Хорошо, что никто не властен подсмотреть чужой сон.

– Что я здесь делаю?

– Слушать надо старого Дайхиро, – фыркнул оборотень. – И спать больше, а не сидеть ночами над всякими. – Он выразительно покосился на Джина.

– Ты заснула, – мягко сказал самханец. – Мы решили не будить тебя.

– Ты спал рядом? – Зря она думала, что покраснеть еще гуще невозможно.

Вмятина на ложе из пальмовых листьев и само присутствие Джина рядом подсказывали – спал. И не просто рядом, а разве что не в обнимку.

– Я не мог позволить тебе замерзнуть после того, как ты меня выходила, – невинным тоном отозвался Джин. – И не буду врать, рядом с тобой ночью гораздо теплее и приятнее, чем одному.

– Ах ты... – Она высвободилась из его объятий, вскочила и с возмущением уставилась на самханца. Смеющиеся глаза мужчины подсказывали – ругаться с ним бесполезно, поэтому Мия напустилась на тануки: – Ты почему меня не разбудил?

– Потому что дурак, – сердито буркнул оборотень. – Хотел дать тебе выспаться. Еще и пошел прикрывать. Воистину ни одно доброе дело не останется безнаказанным. Давай-давай, собирайся! Бегом в школу!

На сердце немного отлегло. Если другие ученицы видели, как Мия ложится спать, скандала и наказания от Такухати не последует.

– Чуть не попался этому вашему, – все так же ворчливо продолжал тануки, за руку утаскивая ее к выходу. – Если бы не одна добрая женщина, показавшая, где у вас погреб, остался бы от старого Дайхиро только хвост тебе на память. И так полночи нору копал.

Только выйдя из храма навстречу поднимавшемуся над горами солнцу, Мия обратила внимание, что от оборотня пахнет погребом, а шерсть вся перепачкана во влажной земле.

– Тебя видел директор Такухати?

– И не только видел. – Оборотень хихикнул. – Обещал шкуру снять, если еще раз встретит.

В голосе тануки прозвучала не совсем понятная для Мии гордость.

Глава 6

Уроки господина Такухати

Она еле успела проскользнуть в домик. Снять кимоно и нырнуть под одеяло – уже нет. Пришлось сделать вид, что Мия только что встала.

Прическа после ночи на пальмовых листьях растрепалась, а в волосы забились сухие листья. Мия распустила их и теперь задумчиво водила гребнем, сидя у бронзового зеркала.

– Опять на все утро зеркало заняла, – послышался из-за спины ворчливый голос Кумико.

Мия покорно сдвинулась, предлагая майко разделить с ней зеркало. Кумико пихнула ее локтем, плюхнулась рядом и начала зачарованно разглядывать свой носик в поисках несуществующих прыщиков.

Свои волосы дочь самурая, как и прочие майко, на ночь укладывала в сложные прически, а чтобы они не помялись, клала под шею деревянный брусок.

Несмотря на утро, выглядела Кумико неважно. Обычно фарфорово-бледная кожа чуть пошла пятнами. Переела мандаринов?

Мия потянулась к шкатулке со шпильками кандзаси. Вчера она побоялась потерять их в лесу, поэтому оставила в домике перед вылазкой.

Шкатулка была пуста.

Мия вскочила. Зачем-то осмотрела все свои немногочисленные вещи. Перетряхнула уже свернутый фuton. Другие майко одевались, делая вид, что не замечают ее поисков. Кумико недовольно кривилась и разглядывала свое отражение в зеркале.

– Кумико, ты не брала мои кандзаси?

Дочь самурая фыркнула:

– Вот еще! Как будто кому-то нужны твои уродливые шпильки.

Ичиги громко хихикнула.

Будь это обычные шпильки, Мия махнула бы на них рукой. Но серебряные кандзаси, полученные за победу в состязании, были первой вещью, которую она по-настоящему могла назвать своей за долгие годы. И не просто вещью. Они являлись символом ее триумфа. Изящное серебряное кружево, светящиеся магическим светом иероглифы...

Она даже надеть их ни разу не успела.

– Пожалуйста, отдай, – сказала она, стараясь говорить доброжелательно и спокойно.

– У меня их нет. Сама небось потеряла. Следи лучше за своими вещами, разиня.

«Давай, докажи, что это я их взяла», – говорила ее издевательская улыбка.

Ответить Мия не успела. Со двора раздался сигнал гонга, призывающий всех учениц немедленно выйти на улицу.

Такухати медленно обходил выстроившихся учениц, вглядываясь в лицо каждой. Девочки краснели, бледнели, опускали глаза и вспоминали свои недавние оплошности. Пристальный взгляд директора пугал не на шутку.

Мия тоже попыталась уставиться в землю, но Такухати не дал ей этого сделать. Двумя пальцами коснулся ее подбородка, вынуждая поднять голову и взглянуть ему в лицо. Губы Мии шевельнулись, беззвучно спрашивая: «Что вам нужно?»

Он раздраженно дернул плечом и обернулся к наставницам:

– Здесь все?

– Все, господин директор, – закивала госпожа Оикава.

– Значит, он где-то прячется.

«Дайхиро! – внезапно осенило Мию. – Он ищет тануки».

На душе стало спокойно. Дайхиро сейчас отсыпается в старом храме. Или ловит рыбку в водах горного озера. Или отмывается от земли в горячем источнике. Потом вылезет на берег, будет ворчать и жаловаться на холод.

Мия мысленно поклялась, что не позволит другу подойти к школе на полет стрелы. Не хватало еще, чтобы оборотень стал пленником этого безжалостного человека, подобно фэнхуну.

– Нам надо... – произнес директор, но резкий стук в ворота прервал его на полуслове.

– Это еще кто?

На лицах наставниц читалось не меньшее недоумение. Школа находилась в стороне от дорог и человеческого жилья. Ежедневная подвода с припасами подъехала полчаса назад, и больше наставницы никого не ожидали.

Такухати откинул тяжелый засов на воротах и уставился на стоявший за ними отряд недобрым взглядом.

– Ну?

– Именем и властью сёгуна, – подал голос глава отряда – невысокий и коренастый самурай с простецким лицом. – Я должен осмотреть школу и всех находящихся в ней людей.

Акио Такухати встал, словно бы случайно перегородив проход. Руки сложены на груди, полуприкрытые глаза изучают пришельцев с ленивым превосходством сытого хищника.

– Почему я узнаю об этом распоряжении сейчас и от вас? – процедил он. – Ты уверен, лейтенант, что, если я свяжусь с сёгуном, он подтвердит твои слова?

Поза и тон директора говорили лучше любых слов, что он скорее уничтожит отряд, чем выполнит распоряжение.

Низенький лейтенант слегка побледнел.

– Генерал Такухати? – выдавил он потрясенно.

– Именно. Итак, еще раз, лейтенант: кто в действительности отдал приказ? Что вы ищите?

Самурай сглотнул. Обернулся на воинов за своей спиной, снова посмотрел на директора и выдавил:

– Приказ наместника провинции, генерал. Ищем самханского шпиона. Последний раз его видели в горах недалеко отсюда. Прошу, разрешите нам обыскать школу. Это в ваших же интересах. Шпион очень опасен – он убил пятерых самураев, а у вас тут женщины, дети...

– Ты сомневаешься в моей способности защитить женщин и детей от одного самханца, лейтенант? – В ленивом голосе Такухати прорезались нехорошие нотки.

– Нет... – Самурай совсем поник.

Мия поймала взгляд низенького лейтенанта и почувствовала, как полыхнули уши.

Шпион! Вот кто он такой, этот Джин Хо. Самханец со следами пыток на теле и веселыми шутками. Она ведь даже не выпросила толком, кто он и откуда! Ничего не узнала о человеке, которому спасла жизнь.

Зато пообниматься с ним успела. Даже во сне приснился.

Боги, стыдно-то как!

Шпион!

Ей казалось, что каждый во дворе если не знает, то догадывается о ее роли во всей этой

истории.

– На стенах защита. Ни один чужак не войдет на территорию школы и не сумеет ее покинуть, – бескомпромиссным тоном отрезал Такухати. – Думаю, присутствие солдат здесь неуместно, лейтенант.

По лицу самурая было видно, что он категорически не согласен со словами директора, но спорить вояка поостерегся.

– Дозвольте нам хотя бы побеседовать с майко. Возможно, они что-то видели или слышали.

– Кто-нибудь что-нибудь слышал? – равнодушно спросил Такухати, обращаясь то ли к воспитанницам, то ли к силуэтам горных вершин над головой.

Мия уже открыла рот, чтобы заявить о своей находке, но тут же осеклась.

Как объяснить свое присутствие в заброшенном храме? Воровство лекарств? Дружбу с тануки?!

– Нет? Неудивительно. Как я уже говорил, лейтенант, на школе стоит магическая защита, а моим подопечным запрещено покидать эти стены. Желая наместнику успехов в поимке его шпиона. – В напутственных словах, с которыми Такухати закрывал ворота, слышалась неприкрытая насмешка.

Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что атмосфера в комнате для медитаций не отличается от обычной. Майко сидели на коленях, обратившись лицом к госпоже Оикаве в ожидании начала урока.

Однако стоило чуть присмотреться, и можно было заметить нервное возбуждение, которое овладело девушками. Оно выражалось в смешках, переглядываниях, предвкушающих улыбках.

Все были в сборе. Чтобы начать очередное занятие по искусству любви, не хватало лишь мага. Оттого лица будущих гейш и сияли таким опасливым восторгом.

Иллюзии генсо. Самая сложная и деликатная часть обучения. Святая святых, без которой невозможно было бы сохранить невинность воспитанниц и обучить их искусству любви.

Иллюзии в школах творили маги. Как правило, самураи из захудалых родов. Их глаза лишь иногда отблескивали колдовским цветом, а силы разбавленной крови еле-еле хватало, чтобы создать и удержать тонкую ткань миража.

Таким был муж госпожи Итико – немолодой, хромой и очень спокойный мужчина.

Мия вздохнула и поежилась. В отличие от других девочек, она не ощущала ни малейшего воодушевления при мысли, что Акио Такухати примет участие в уроке. Напротив, ее даже слегка колотило от страха и смешанного с ним стыда.

Она вспомнила давешний сон и спрятала лицо в ладонях. Неужели ее вправду привлекает этот жестокий и самодовольный человек? Нет, должно быть, этот сон – просто искаженное воспоминание о поцелуе...

Первый настоящий поцелуй Мии.

Такухати вошел стремительно, за мгновение до того, как прозвенел гонг, возвещая начало урока. Опустился на татами, с усмешкой оглядел воспитанниц, задерживая взгляд на каждом лице. Майко краснели и опускали глаза.

Госпожа Оикава положила в курильницу травы, и по комнате поплыл густой тревожный запах. Само собой вспыхнуло пламя внутри большого фонаря в центре зала, закружилась подставка с вырезанными силуэтами бумажных кукол, тени поползли по стенам – все

быстрее, быстрее. Шевелились, подкрадывались, кривлялись...

И комната зарябила. Пошла волнами, как взбаламученная озерная гладь.

Мия моргнула. Она и другие ученицы находились на берегу моря. В воздухе пахло солью, солнце светило по-весеннему, ласкало, но не жгло, и легкий бриз чуть теребил рукава кимоно. Где-то вдалеке перекрикивались чайки.

Иллюзия была полной. Абсолютной. Звуки. Запахи. Сыпучий песок под ладонями и нежное прикосновение ветра.

Вот что значит высокорожденный.

– Господин Такухати, – наставница нахмурилась и за неимением рядом директора укоризненно посмотрела в голубые небеса, – я прошу вас вернуть нас в зал для медитаций. Здесь обстановка не располагает к обучению. И предоставьте нам учебное пособие, будьте так добры.

Над головой раздался смешок, и весеннее море сменилось знакомыми стенами. Только теперь рядом с госпожой Оикавой был расстелен фантом, на котором лежал обнаженный фантом – привлекательный и безликий.

Впервые в жизни Мия задумалась, насколько ощущает, видит и контролирует маг создаваемые им иллюзии. Ведь если Акио Такухати сейчас незримо присутствует на уроке, значит...

От этой мысли стало жарко настолько, что она мгновенно взмокла.

А госпожа Оикава прямо-таки разливалась. Наставница была в ударе, глаза блестели особенно ярко, и говорила она о любимом деле с неподдельным наслаждением.

– ...сливаясь, мужчина и женщина обмениваются энергиями инь и ян, обретая жизненную энергию ци. Мужчина берет, обладает, женщина отдается...

Все это уже рассказывали столько раз, что Мия давно выучила слова наизусть и могла бы повторить урок вместо наставницы. К сожалению, теория мало походила на практику, которая следовала за ней.

– ...но бывает, что в женщине преобладает энергия ян, а мужчина устал. Тогда возможен обмен ролями. Женщина ведет, а мужчина следует, подчиняется. Женщина сверху, а мужчина снизу.

Про это уже говорили в прошлый раз, но сегодня наставница не ограничилась теорией и картинками. Госпожа Оикава ловко оседлала лежащий рядом фантом и показала несколько основных поз, громко обозначая название каждой. Мия почти не слушала. Ей казалось, она кожей ощущает чужой насмешливый взгляд.

Ей никогда не казалось, что в уроках «искусства тайных покоев» есть что-то постыдное. Все относились к этому просто, как к части обучения. Подготовка гейши включала в себя знания, как ублажить мужчину, так же как переход из майко в гейши лежал через аукцион, на котором знатный мужчина выкупал девушку, чтобы лишить ее невинности. Это было... естественно. Часть жизни Мии.

Ей показалось, что над ухом раздался тихий смех, и она еле сдержалась, чтобы не вскочить и не закричать: «Прекратите!»

– Все понятно? – Ученицы согласно закивали. – Тогда тренируйтесь.

И Мия осталась в зале одна.

Исчезли не только другие майко и наставница, но и фантом. Мия повертела головой, неуверенно поднялась. Что это значит? Практикой ученицы всегда занимались в одиночестве, но как она будет тренироваться без... без этой штуки?

Называть хотя бы в мыслях фантомов «мужчинами» у нее не получалось. В них было что-то одновременно пугающее и безопасное. Бездумный взгляд, равнодушная покорность, свойственная скорее чему-то неживому. Стесняться подобных существ было глупо. Все равно что стесняться стола или картины на стене.

– Что-то ищешь, лучшая ученица? – раздался насмешливый голос из-за спины.

Мия медленно повернулась.

Он стоял полуобнаженным, в брюках-хакама. Совсем как тогда, когда она подглядывала за его тренировкой. Только темные волосы распущены и лежат по плечам. Она взглянула на себя и обнаружила, что на ней снова только влажный кусок ткани.

«Это все ненастоящее, – напомнила себе она. – Все иллюзия!»

Плотное липло к телу, реальное до невозможности. И Акио Такухати тоже был реальным до невозможности – настойчивый, опасный.

– Что вы здесь делаете? И где мой...

Какой глупый, неуместный вопрос. Неужели не ясно, что он делает здесь? Но мысли путаются, дыхание сбивается, где-то в животе крутит от жутковатого и захватывающего предчувствия, и ей уже не до умных вопросов. Лишь бы хоть что-то сказать.

– Я за него. – Он в два шага оказался рядом. – Скажи еще, что ты недовольна, лучшая ученица.

– Я не хочу, так нельзя, – обреченно прошептала Мия. Что сейчас ни скажи, его не остановишь.

– Тсс... Со мной тебе точно будет лучше, чем с этими куклами.

Она могла вырваться. Хотя бы попробовать избежать прикосновений. Но отчего-то не стала этого делать.

В этот раз он целовал ее не так жадно. Неторопливо, медленно, зная, что впереди достаточно времени. И так же медленно стянул с нее кусок ткани и заставил опуститься рядом с собой на футон.

– Это подло. Вы обещали!

Он ласково провел пальцем по ее щеке.

– И что здесь подлого, лучшая ученица? Маг все равно присутствует в тех иллюзиях, которые создает.

Ее глаза расширились:

– Нет!

– Да. Не знала?

Она зажмурилась и покачала головой. С закрытыми глазами было не так стыдно.

Странный вкус иллюзорного поцелуя – похожий и не похожий на настоящий. Страх и возбуждение бурлили в крови. Не спорить? Отдаться ему? Все это иллюзия, почти фантазия. В фантазии возможно и не такое...

Руки опустились на ее грудь, захватывая, сминая. Мия попыталась расслабиться, покоряясь грубоватой ласке.

Прикосновения были реальны... почти реальны. Он чуть сжал пальцами горошинку соска, перекатывая ее между пальцами, жадный рот накрыл второй сосок. Мия всхлипнула от короткой судороги удовольствия, пронзившей ее тело.

Совсем не похоже на обычные занятия. Там Мия сама решала, что и как нужно делать. Не была безвольной игрушкой в мужских руках.

– Не надо, – простонала она.

– Почему не надо? Тебе же нравится, я вижу.

Пальцы второй руки спустились на низ живота, чуть надавили, погладили. Мия запищала и начала вырываться.

Все это было слишком, слишком настоящим. Настоящим и... приятным.

– У нас урок! – выкрикнула она звенящим от слез голосом.

Такухати остановился.

– Вот я тебя и учу.

Мия снова дернулась, выскользнула из объятий. Вскочила и отпрыгнула.

– Я должна сама. А это... это как насилие.

По его красивому лицу пробежала тень раздражения, а потом он кивнул:

– Хорошо. Сама так сама. Иди сюда, лучшая ученица.

Она подкралась, как дикий зверек, готовый в любую минуту сорваться, но Такухати не сделал в этот раз попытки схватить ее. Он все так же сидел, привалившись к стене, полуприкрыв веки.

Мия опустилась рядом на колени, протянула руки к завязкам хакама, ощущая себя пугливой ланью у водополя. Такухати напоминал ей сидящего в засаде хищника. Притворился, что дремлет, а сам выжидает...

Когда она распустила завязки, он ухмыльнулся:

– Видишь, я не вмешиваюсь.

Она снова зажмурилась от стыда и опустилась сверху к нему на бедра, ощущая рядом горячее мужское тело, литые мышцы, чувствуя прикосновение возбужденной плоти к своему самому чувствительному местечку. По телу прошла дрожь, на мгновение она почти пожалела, что он послушался ее и прекратил свои домогательства. Насколько проще, когда ничего не решаешь сама.

– Так и будешь сидеть? – раздался над ухом хриплый голос.

Мия ощутила его дыхание на своих губах и открыла глаза. Он был рядом. До невозможности близко, до невозможности настоящий. Глаза чуть потемнели от расширенных зрачков, губы почти касались ее губ.

Нужно было что-то делать. Или вскакивать, убежать. Или действительно...

Она уже делала это. Много раз. Он – такая же иллюзия, как безмолвные фантомы.

Нет.

Не такая же.

– Это все нереально. Как сон, – упрямо сказала Мия, приподнимаясь и опускаясь на напряженный стержень движением, показанным госпожой Оикавой.

И все было так же, как всегда во время иллюзорного секса с фантомом. Вверх-вниз, вверх-вниз. Просто физическое упражнение.

Власть генсо ограничена опытом того, для кого маг создает иллюзию. Мия была девственницей, не знавшей мужчин. Она лишь могла предполагать, на что это похоже.

Ее предположения были не слишком-то убедительны.

А вот Акио девственником не был. Мия следила за тем, как меняется его лицо, как сползает самоуверенная гримаса. На виске мужчины часто и нервно билась жилка. Он чуть откинулся, опираясь на стену, и пожирал взглядом девушку, наслаждаясь ее движениями и видом ее обнаженного тела. Дыхание Акио участилось, глаза стали пьяными, по лицу пробежала короткая судорога удовольствия. Он чуть двигал бедрами ей навстречу, словно хотел заставить двигаться быстрее, но поза девушки давала ей возможность контролировать

скорость.

И Мия вдруг в полной мере осознала все, о чем говорила сегодня госпожа Оикава. Обмен энергией, возможность распоряжаться, вести, направлять. Она задвигалась энергичнее, наслаждаясь своей внезапной властью над этим сильным мужчиной, положила руки ему на плечи и сама поцеловала.

– Ми-и-ия, – простонал он, сжимая ее ягодицы.

Реальность вокруг дернулась, пошла трещинами, грозя осыпаться. И Мия довольно рассмеялась:

– Что, трудно держать иллюзию, господин Такухати? – спросила она насмешливо. И чуть сжала мышцы внизу живота, как учила на своих уроках госпожа Итико.

– Ведьма-а-а, – прорычал он, еле сдерживаясь.

– Вы сами этого хотели, не так ли?

Она видела, как он борется, пытаясь удержать иллюзорное пространство, усмирить собственное тело. А ведь ему сейчас приходилось творить похожие иллюзии для еще семерых майко.

Акио выдохнул сквозь зубы и немного расслабился. Реальность покачнулась в последний раз, но устояла.

Вверх-вниз.

Мия замедлилась. Снова сжала мышцы внизу живота и усмехнулась, услышав ответный стон. О, с живым мужчиной это делать было куда интереснее, чем с безропотным фантомом. Особенно с таким мужчиной – жестоким, самоуверенным, опасным. Впервые за их недолгое общение она почувствовала себя уверенно в присутствии Акио Такухати, и ей это очень понравилось.

Она представила, как сейчас доведет его до извержения, и директору придется спешно бежать и менять испачканные хакама, и едва удержалась, чтобы не расхохотаться. Что-то подсказывало: насмешки над собой Акио Такухати не стерпит.

Вместо этого она снова поцеловала его, игриво прикусила нижнюю губу, осмелела настолько, что сама вторглась языком в его рот, дразнясь и лаская.

Мия и вправду была хорошей ученицей.

От внезапно обретенной власти закружилась голова. Как же сладко было сознавать, что сейчас она, Мия, главная и единственная для него, центр его мира. Что в ее силах подарить ему невообразимое наслаждение.

Это было все равно что дразнить хищника – страшно и безумно возбуждающе. Казалось, его тоже заворожила эта игра. Он мог прервать ее в любой момент, но не двигался, позволяя женщине властвовать над собой. Чуть заныли соски, сейчас ей уже хотелось его ласк и прикосновений, но она побоялась сказать об этом. Сейчас Мия, наверное, согласилась бы даже на большее. Она почти жалела о своей неопытности, невозможности ощутить все до конца.

Синие глаза темны, как море во время бури, в них можно утонуть. Горячее дыхание обжигает, а от иллюзорных рук, тискающих ягодицы, кажется, непременно должны остаться настоящие синяки. Хмельное ощущение собственной безнаказанности, и его стон «Ми-и-ия», от которого так сладко сжимается все внутри.

Невозможно не откликнуться, когда мужчина смотрит на тебя с такой страстью, когда вы оба обнажены, открыты друг другу, и не важно, что все это иллюзия...

Звон гонга разрушил морок, вышвырнул ее, возбужденную, задыхающуюся, с горящим

лицом и шальными пьяными глазами, на татами. Мия поймала безумный взгляд Такухати и впервые испугалась – не перешла ли она границу? Стоило госпоже Оикаве объявить об окончании урока, она вскочила и покинула комнату в числе первых.

Мысль о том, чтобы остаться наедине с Такухати, пугала до икоты.

Он выругался сквозь зубы и снова попробовал сосредоточиться на письме.
Безуспешно.

Стоило прикрыть глаза, как перед мысленным взором вставало изящное, словно резная статуэтка нэцкэ, обнаженное тело. Упругая грудь, так удобно ложившаяся в его ладонь, дерзко торчащие соски. Мягкий живот с трогательной ямкой, стройные девичьи бедра на его бедрах. Волнительный контраст ее бледной и его смуглой кожи...

И память о том, какая она тугая, жаркая, влажная.

Иллюзия. Фантазия, разделенная на двоих, помноженная на воспоминание о теле маленькой майко, вкусе ее губ.

Дурак. Устраивать такие уроки – только растравливать свое вожделение. Никому еще не удавалось насытиться, мечтая об ужине.

Память о том, что случилось пару часов назад, сводила с ума. Акио Такухати всегда гордился тем, что он хозяин своего разума и тела. Железная самодисциплина, постоянные тренировки, неустанный самоконтроль. И где это все сейчас? Сидит, вперившись в пространство, как идиот. Как мальчишка, впервые дорвавшийся до женского тела.

Хуже, чем мальчишка. Когда Акио в четырнадцать лет впервые познал женщину, то наутро не вспомнил даже ее имени. Она была шлюхой. Очень дорогой, но шлюхой.

Совсем как дразняще-невинная, доступная, развратная, запретная Мия.

Ми-я – имя, как перезвон колокольчика на ветру.

Он снова выругался, чувствуя, как возвращается болезненное возбуждение. Не думать! Не вспоминать о ее теле. О том, как она сама целовала его. Неуверенно, осторожно и в то же время нахально. Как вздрагивала грудь, мелькали перед глазами бледно-розовые конусы сосков, как сладко она сжималась...

Он позволил ей действовать, раздираемый двумя противоположными желаниями. Швырнуть наглую девчонку на футон и взять так, как нравилось ему. И не вмешиваться, отдав ей полностью контроль.

Там, в иллюзии, Акио почувствовал – стоит ему проявить свою власть, показать силу, и Мия замкнется. Начнет кричать, вырываться, будет кривиться и показывать, как он ей противен.

И можно было бы наплевать на ее желания, но как сладко было ощущать ее любопытство, робость, возбуждение. Нет, сам бы он не прервал эту игру. Слишком хороша была маленькая майко в своем дерзком порыве.

Развратная лгунья. Она делала это добровольно! И она хотела его.

Надо было распустить ей волосы в генсо... черные, шелковистые, такие длинные, что Мия могла бы ходить, завернувшись только в них вместо одежды.

Запустить в них руку, намотать на кулак, потянуть гордичку вниз, поставить на колени. И пусть покажет, чему ее научили наставницы.

Он представил, как раскрываются алые, чуть припухлые губы, принимая его, как, лаская, скользит язычок по возбужденной плоти, как она смотрит снизу вверх с покорностью и обожанием...

Ведьма! Лиса!

Такухати зарычал и отшвырнул кисточку для туши. По рисовой бумаге расплзлись некрасивые пятна.

Найти женщину... достаточно найти женщину, тогда это наваждение прекратится. Он попробовал представить другую. Вспомнить лицо гейши, с которой провел последний вечер в столице перед тем, как отправиться в «Медовый лотос», но перед глазами стояла только она.

Дурь какая-то. Одержимость.

Генерал рывком встал, схватил катану. Двухчасовая тренировка, холодные обливания и женщина. Этого хватит, чтобы прогнать морок.

Глава 7

Легенда о сердце моря

Джин и тануки играли в го.

Мия остановилась в дверях храма, не зная, что сказать. Сегодня самханцу было явно лучше. Похоже, он даже дополз до водяной купели во дворе и искупался. В еще влажных волосах блестели капельки, струи воды сползали, оставляли на гладкой коже влажные дорожки. Мужчина был только в набедренной повязке, выстиранное кимоно и хакама остались сушиться во дворе.

Дайхиро сердито спрятал ладони в рукава.

– Пас. Снова пас. Ну что за безобразие! Почему опять «пас»? – спросил он, потрясая лапками в негодовании. – Уверен, ты жульничаешь, хитрый самханский жук!

– Жульничаю в го? Разве это возможно?

– Вот и я думал, что нет. – Тануки оживился. – Давай меняться: я тебе новое кимоно, а ты расскажешь, как это делаешь!

Джин сверкнул белозубой улыбкой:

– А кимоно в соседней деревне сопрешь?

– Позаимствую, – поправил его тануки. – И не в соседней. Где живу – не гажу.

Самханец развел руками:

– Хорошая сделка, уважаемый Дайхиро. Но, увы, никакого секрета нет. Я просто хорошо играю. Могу научить...

– Дайхиро! – перебила его Мия. – Нам нужно поговорить.

Она поднималась в храм с тяжелым сердцем и всю дорогу так и эдак крутила в мыслях предстоящий разговор. Еще и воспоминание об уроке с Такухати вносило дополнительный сумбур. Мысли то и дело сбивались на случившееся в зале. Перед глазами вставало мужественное, искаженное страстью лицо, вспоминался вкус поцелуев и хмельное ощущение власти над опасным хищником. Тем более дразнящее, что он вручил эту власть Мие добровольно и мог отобрать в любой момент.

Она тряхнула головой. Боги, опять? Даже сейчас, в разговоре с самханцем.

Что Такухати сделал с ней?

Дайхиро мгновенно подобрался, реагируя на тон:

– Что-то случилось, Мия-сан?

Рука мужчины потянулась к ножу.

– У меня тот же вопрос.

– Случилось. Подойди, пожалуйста, Дайхиро. Нет-нет, Джин! Ты – сиди.

Только когда оборотень оказался рядом с ней у двери, Мия облегченно выдохнула. Она помнила, каким смертоносно быстрым умеет быть самханец. Но со сломанной ногой Джин не успеет до них добраться.

Тануки встревоженно заглянул ей в лицо:

– В чем дело?

– Он – шпион и убийца, – кивнув в сторону самханца, сказала Мия. – Его ищут войска наместника.

– Ого! – присвистнул тануки. – И что мы будем делать?

– Мия, послушай...

– Мы уйдем. И позовем стражу.

Она не смотрела на Джина. Лгун! Предатель!

Шпион.

– А я говорил, что надо его выбросить. Нечего подбирать всякую пакость. – Тануки с тоской покосился на оставленный у костра тесак, а потом укоризненно – на Мию. – Могла намекнуть. Я бы ножик прихватил.

Самханец поднялся, тяжело опираясь на бамбуковый посох.

– Все не так просто, Мия. Пожалуйста, выслушай меня!

Она попятилась.

– Пойдем, Дайхиро.

– Стой!

Он был быстрым. Даже со сломанной ногой слишком быстрым. Но Мия успела бы уйти, если бы не камень, некстати подвернувшийся под ногу маленькому монаху...

Жалобный крик тануки остановил ее уже у ворот. Она обернулась. И поняла, что никуда не уйдет.

Тануки лежал на ступенях храма, а самханец сидел на нем сверху, удерживая оборотня в болевом захвате.

– Беги, Мия-сан, – выкрикнул Дайхиро.

Мия беспомощно оглянулась по сторонам. У нее не было даже ножа. Ни ножа, ни палки – ничего. Да и поможет ли нож против воина?

Вот она, расплата за глупость. За неуместное желание помочь первому встречному.

– Беги! – Оборотень извернулся и впился зубами в держащую его руку. Мужчина поморщился, но не выпустил пленника.

– Выслушай меня, – повторил самханец. – Я не враг.

– Отпусти его.

– Отпущу, если выслушаешь.

Она кивнула и обреченно пошла навстречу лазутчику, не отводя взгляда.

Тануки, словно поняв бесполезность сопротивления, разжал зубы.

– Беги, дурочка!

Мия подошла и встала рядом. По предплечью Джина сбегали красные капли.

Ей не хотелось слушать вранье шпиона. В этот момент Мия почти ненавидела его. За ложь. За угрозу Дайхиро. За собственный глупый и стыдный сон. Будь у нее нож, она бы, наверное, ударила самханца.

– Отпусти. Я выслушаю тебя.

Он, поморщившись, слез с распростертого тела.

– Давай вернемся в храм, Мия, – его голос звучал мягко, – я расскажу, почему я здесь. Расскажу тебе все... все, что смогу. Если после этого ты решишь, что мое место в темнице наместника – пусть будет так.

Охая и ругаясь, рядом поднялся Дайхиро. Выразительно кивнул на ворота, но Мия покачала головой.

Не уйти.

Даже со сломанной ногой Джин был слишком сильным и быстрым.

Самханец посмотрел на нее в упор:

– Клянусь честью своего рода и своим посмертием, что говорю правду. Я не причиню вреда тебе или твоему другу. И я не сделал ничего плохого.

– Ты шпион!

– Я не желаю зла твоей стране. Скорее наоборот. То, что я сделал, спасет тысячи жизней.

– Ты убил пятерых самураев.

– Я защищался.

– Ты шпион, – чуть не плача, повторила Мия.

Дайхиро дернул ее за рукав:

– Слушай, Мия-сан, может, и правда, выслушаем его? Раз уж тратили время, лечили, выхаживали.

Когда он успел стать таким благожелательным к самханцу? Неужели всего из-за нескольких проигранных партий в го?

А впрочем, что ему? Дайхиро – ёкай, пусть и друг Мии. Оборотни вне политики и человеческих дрызг.

Что же делать? Как поступить?

– Я не прошу многого. Только выслушай. Давай вернемся в храм.

Она медленно поднялась по ступеням. Тануки шел за ней, самханец ковылял последним, тяжело опираясь на посох. Такой обманчиво беспомощный и смертельно опасный.

Они вошли внутрь, и Джин сел у костра. Мия осталась стоять.

– Рассказывай.

– Садись.

– Нет!

– Сядь, пожалуйста, Мия. Я поклялся.

– Я тебе не верю!

– Я могу как-то это изменить?

– Поклянись на крови, – предложил тануки.

Глаза самханца расширились, но он кивнул и потянулся к танто. Лезвие вспороло кожу на предплечье, рисуя иероглиф «гири», и мужчина повторил слова клятвы.

Надрез полыхнул алым, на мгновение в комнате сгустились тени, запахло грозой...

А потом все исчезло.

Джин кивнул на подстилку из пальмовых листьев:

– Садись, Мия. Выслушай меня.

Если бы не Дайхиро, послушно опустившийся рядом с самханцем, Мия не решилась бы послушаться.

– Я думала, ты проклят, – сказала она, усаживаясь на самый краешек подстилки.

– Клятвам это не помеха.

– Рассказывай. Кто ты, Джин Хо? И зачем ты пришел в мою страну?

Он вздохнул:

– Пожалуйста, не перебивай. Я начну издалека. Ты ведь знаешь, что власть сёгуна не всегда была абсолютной? Изначально в Оясиме властвовал божественный император, потомок повелителя драконов. Сила Уми но Ками позволяет призывать и укрощать водных драконов...

– При чем здесь это?

Самханец укоризненно покачал головой:

– Я же просил не перебивать. В последние сто лет власть династии Риндзин слабела. Череда слабых, развратных или просто неспособных к управлению правителей отдала власть

сёгуну. Последний император Сатоши Риндзин пытался переломить эту ситуацию, за что и поплатился. Пятнадцать лет назад произошел заговор, который оборвал династию навсегда.

Мия сердито стукнула себя кулаком по коленке. Он что – издевается над ней? Зачем пересказывать то, что знают даже дети?

Впрочем, о гибели императорской семьи известно было немного. Ходили самые дикие слухи. Говорили даже, что заговорщики использовали демона, чтобы справиться с повелителем драконов.

Еще поговаривали, и именно на это сейчас намекали слова Джина, что главным организатором был сам сёгун. Но о таком шептались совсем уж тайно, с оглядкой. Верховный правитель Благословенных островов не отличался терпимостью к подобным слухам.

– Последний Риндзин был так слаб, что едва мог призвать одного или двух драконов. Но легенды говорят о том, что раньше члены императорской семьи могли управлять сотнями драконов. Все ручьи и реки Оясимы, в каждой живет водный дух, и все покорны воле императора. Так же, как сила семьи Аль Самхан взывает к огненной крови земли.

– И что? – спросила Мия. – К чему все это?

Он подпер голову рукой, побарабанил пальцами по щеке.

– Я хочу, чтобы ты молчала о том, что я сейчас скажу, Мия. Это не тайна. Но и не те вещи, в которых разбирается любой крестьянин. Нет-нет, не надо клятвы! Просто не рассказывай первому встречному. Не надо.

– Я не болтлива, – обиженно сказала Мия.

Против воли рассказ самханца увлек ее. Он был похож на древнюю легенду – из тех, что мать рассказывала Мие перед сном. Сказания о богах, героях и чудовищах.

Но какое отношение ко всему этому имеет шпион и убийца Джин Хо?

– В императорской семье Аль Самхан существует артефакт, позволяющий раскрыть подлинную силу крови. В определенном возрасте все дети императора проходят инициацию и получают власть над огнем и вулканами. В семье Риндзин тоже был похожий артефакт под названием Сердце моря, но более трехсот лет назад молодой император Котохито не смог укротить призванных драконов, и цунами снесло половину острова Рю-Госо, уничтожило столицу со всей семьей императора. Поток воды смыл Сердце моря, и сила оказалась утерянной для поколений правителей. Это положило начало пятидесяти годам войны.

Джин задумчиво пошевелил палкой угли в костре.

– Знаешь, – продолжал самханец, – я всегда ощущал симпатию к народу Оясимы. Мне виделось что-то общее между его историей и моей. Благословенные острова лишились магии, но сумели отстоять независимость за счет одной личной доблести. На материке Оясиму не только боятся, но и уважают.

– Я тоже истории сочинять люблю, – буркнул тануки. – Только попроще. Про распутную вдову и тануки, например. Кстати, я ее даже не сочинял почти. Так, приукрасил слегка...

– Я уже заканчиваю, – отозвался Джин. – Не так давно до Самхана дошли слухи, что рыбаки южной провинции выловили гигантскую рыбу. В ее желудке было обнаружено Сердце моря. Сам по себе артефакт бесполезен и даже опасен. Лишь носитель королевской крови сможет не только призвать, но и удержать водных драконов. Но прабабка нынешнего сёгуна была из семьи Риндзин. – Самханец вздохнул. – Ваш сёгун одержим властью и идеей завоевания. За время правления он четырежды снаряжал походы на материк. Он решил пройти посвящение...

Мороз пробежал по коже. Мия хорошо помнила легенды о гигантском цунами, за

несколько часов уничтожившем все живое на богатом острове. Столицу потом так и не отстроили. Перенесли на север. А Рю-Госо до сих пор оставался пользующимся дурной славой захолустьем.

– Откуда ты можешь знать, что решил сёгун? – спросила она, пытаясь защититься от этого знания.

– У Самхана есть свои люди при дворе сёгуна. А я, в силу положения моей семьи, имею доступ к их докладам. Доли крови Риндзин в жилах сёгуна недостаточно, чтобы повелевать стихией. Повторится то, что случилось триста лет назад. И волны затронут наши восточные побережья. – Он посмотрел на нее в упор. – Я не хочу этого.

– Поэтому тебя направили сюда?

– Можно сказать и так.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Японская мера длины. Одно дзё равняется примерно трем метрам.

Праздник любования цветами (*япон.*).